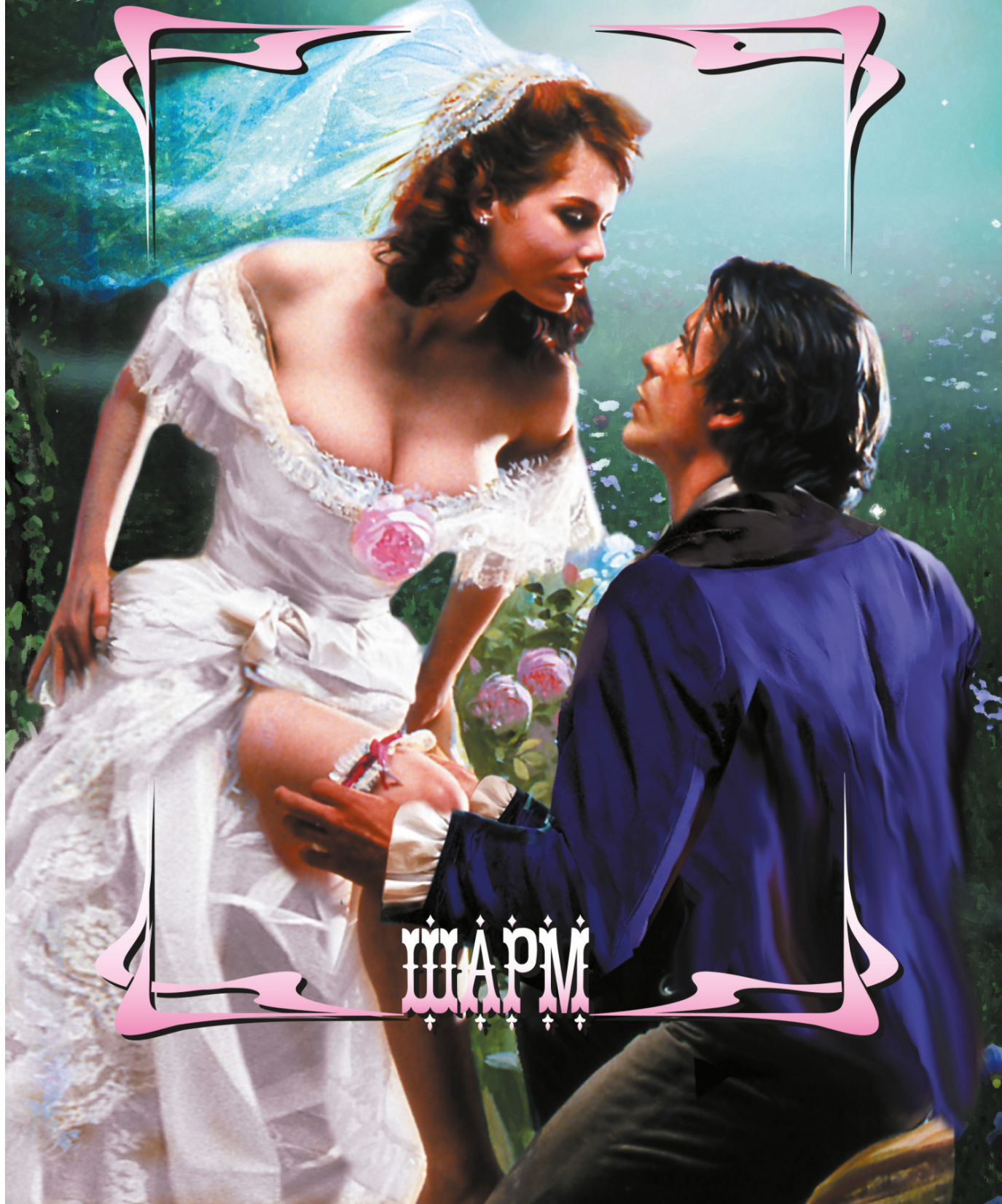

ЛОРЕТТА ЧЕЙЗ

Герцог
в сияющих доспехах

ШАРМ

Шарм (АСТ)

Лоретта Чейз

Герцог в сияющих доспехах

«Издательство АСТ»

2017

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Чейз Л.

Герцог в сияющих доспехах / Л. Чейз — «Издательство АСТ»,
2017 — (Шарм (АСТ))

ISBN 978-5-17-133123-8

Гости шокированы, семья – едва не в истерике, жених – без чувств: Олимпия, леди Хайтауэр, сбежала с собственного венчания! Чего ей не хватало? Любая другая невеста на ее месте плясала бы от счастья стать женой самого завидного холостяка лондонского света... Лучший друг несостоявшегося супруга, неисправимый холостяк Хью Филемон Энкастер, герцог Рипли, смело пускается в погоню за беглянкой, дабы добром или силой привезти ее обратно. Однако уловки, на которые вновь и вновь пускается Олимпия, чтобы вернуть себе свободу, поневоле заставляют его все сильнее восхищаться ее характером, умом и независимостью. Пожалуй, от такой спутницы жизни он не отказался бы и сам!..

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-133123-8

© Чейз Л., 2017

© Издательство АСТ, 2017

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	18
Глава 3	28
Глава 4	39
Глава 5	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Лоретта Чейз

Герцог в сияющих доспехах

Loretta Chase
A DUKE IN SHINING ARMOR

© Loretta Chekani, 2017

© Перевод. Е.Ю. Елистратова, 2021

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

Пролог

Лондон, 11 июня 1833 года, раннее утро

Эшмонт был не очень хорошим герцогом – точнее, никаким, так что никто не удивился бы, увидев его пьяным, так сказать, «по-императорски», то есть раз в десять пьянее простого лорда, когда он брел на непослушных ногах вниз по ступенькам клуба «Крокфорд», повиснув на руке одного из своих закадычных приятелей.

На сей раз это был Хью Филемон Энкастер, седьмой герцог Рипли. И если светловолосый и голубоглазый Эшмонт казался с виду ангелом небесным, то Рипли был смугл и темноволос, то есть, в отличие от Эшмонта, отнюдь не соткан из мечты и тумана, и женщины не провожали его зачарованными взорами. То ли дело его ангелоликая светлость!

В иной день – как кто-то однажды выразился – лицо Рипли напоминало морду волка, основательно потрепанного в боях.

Кроме того, Рипли, хоть несколько и превосходил Эшмонта знатностью своего титула, был пьян только как простой лорд и посему не утратил способности различать, где верх, а где вниз. Поэтому, когда его светлость герцог Эшмонт сделал поползновение скатиться с лестницы в направлении Сент-Джеймского дворца, Рипли именно вниз его и потащил, чтобы добраться потом до стоянки экипажей.

– Сюда, приятель.

– И это правильно, – буркнул Эшмонт. – Не могу же я пропустить свадьбу. Только не эту! Это ведь я женюсь! На Олимпии. Так что должен присутствовать, обещал.

– Будешь, будешь, – успокоил его Рипли, увлекая за собой на другую сторону улицы.

Сообщение о свадьбе было для него новостью, а уж выбор невесты и вовсе сразил наповал: кто угодно, только не леди Олимпия Хайтауэр! По его представлениям, это последняя девушка на земле, которая пошла бы за Эшмонта – за любого из них, если на то пошло.

Не то чтобы Рипли ее хорошо знал – скорее даже совсем не знал. Да, они были представлены друг другу несколько лет назад, в те дни, когда респектабельные люди еще знакомили Рипли и двух его дружков с приличными девушками. Но как раз такие меньше всего интересовали троицу герцогов. Благовоспитанные девушки годились для женитьбы, а жениться предполагалось когда-нибудь потом, в смутном и едва обозримом будущем.

Очевидно, это будущее наступило, а Рипли его просто проглядел.

Сначала герцог Блэквуд, второй из его добрых приятелей, женился на сестре Рипли чуть больше года назад, за несколько дней до того, как сам он укатил в Европу. А теперь и Эшмонт, оказывается, надумал.

В Лондон он вернулся еще позавчера, но один день незаметно перетек в другой. Он отправился в «Крокфорд», потому что хотел получить приличный ужин: Удэ, повар, там был почти так же хорош, как Шардо, его собственный повар, но во время переправы через Ла-Манш его угораздило подцепить жесточайшую простуду.

Шардо сопровождал Рипли повсюду, потому что ему щедро платили – герцог ценил свои удобства. Вынужденный по дурацкой прихоти жить в юности как нищий, теперь он жил как король.

Рипли как раз затеял спор с самим собой – не лучше ли было остаться за границей? – когда из темного переулочка выскочили четверо мужчин, и один из них налетел на Эшмонта с такой силой, что разлучил беднягу с ненадежными объятиями Рипли и толкнул прямо в витрину ближайшего магазина.

Эшмонт обрел равновесие с неожиданной энергией.

– Куда прешь, чертов придурок? Я иду жениться! Слышишь, козел? – И его кулак с силой впечатался в лицо незнакомца.

Попытался вмешаться второй тип из той же компании, но Рипли со вздохом сгреб его за шиворот. Тип извернулся, намереваясь поквитаться, и это вынудило Рипли одним ударом зашвырнуть его в сточную канаву.

Дальше было то, что часто случалось, если в деле участвовал Эшмонт: потоки грязной ругани и тупая драка. Из ближайших клубов высыпали мужчины и принялись делать ставки, издали раздались женские вопли.

Когда все закончилось, противники лежали рядком на мостовой. Рипли не стал терять время, чтобы сосчитать их или хотя бы разглядеть, сгреб Эшмонта, который без сил висел на перилах, в охапку и повлек за угол к стоянке. Как только к ним подкатил первый из ожидавших в очереди наемных экипажей, Рипли затолкал Эшмонта внутрь, на продавленное сиденье, и дал указание кучеру отправляться.

Слуги не ложились и дожидались хозяина – дело-то привычное. Эшмонта оттащили наверх, в спальню, без лишней суеты раздели и отмыли. У них был богатый опыт по части маленьких слабостей хозяина.

Убедившись, что его светлость благополучно уложили и укрыли одеялом, Рипли отбыл восвояси.

Ему и самому требовалось помыться и поспать: ведь до свадьбы осталось всего несколько часов.

Глава 1

Ньюленд-хаус, Кенсингтон, 11 июня 1833 года, около полудня

Если бы невеста напилась допьяна – однако она же не пила! – то это из-за грядущего торжества.

Осталось совсем немного до того момента, когда леди Олимпия Хайтауэр воплотит в жизнь все заветные мечты своего семейства и свои собственные, по крайней мере, бóльшую их часть: сделается герцогиней Эшмонт.

Замерев на опасной черте двадцати шести лет, она должна была благодарить свою счастливую звезду, что сумела завоевать сердце, восхищение и еще что-то одного из трех самых знаменитых в Англии распутников герцогского звания, известных как «их бесчестья».

Олимпия внимательно оглядела собственное отражение в зеркале. За стеклами очков в золотой оправе ее глаза – когда серые, когда голубые, а иной раз и зеленые, потому что никак не могли определиться с цветом, – одним взглядом вобрали в себя ее великолепие. Вот она. Ну и что? Тщательно завитые локоны банального русого оттенка на висках, обрамляющие лицо в форме сердечка, прихотливое сплетение кос и лепестки гофрированного кружева, украшенные флердоранжем, венчающие макушку, водопад белоснежной кружевной вуали, ниспадающий ниже талии, закрывающий обнаженные плечи, поверх широких, отделанных кружевом рукавов.

Она опустила взгляд, рассматривая себя: четыре тугих банта на корсаже, пышные юбки из шелковой парчи.

Пустая трата денег, которыми можно было бы оплатить учебу в Итоне для Кларенса, или чин корнета для Эндрю, или что-нибудь еще – для мальчиков. У лорда Ладфорда, графа Гонерби, помимо наследника, Стивена имелось еще пятеро сыновей, которых нужно было содержать, хотя на эту тему граф предпочитал не думать вовсе. В отличие от дочери граф не умел мыслить практично – вот в чем корень ее нынешнего затруднительного положения, которое, как все говорили, вовсе не было затруднительным. Разве статус герцогини – это не шаг вверх по социальной лестнице?

В любом случае свадебное расточительство было продиктовано отнюдь не соображениями практичности. Деньги непременно следовало выбросить на ветер, на одно-единственное платье для Олимпии, поскольку, по словам тети Лавинии, это был вклад в будущее.

Будущей герцогине не пристало надевать на свадьбу вещи, которые уже кто-то надевал. Свадебному наряду полагалось быть модным и дорогим, однако без показной роскоши, потому что будущая герцогиня не должна выглядеть транжиркой и кокоткой.

Потом, после свадьбы, герцогине позволено хоть разом нацепить все содержимое шкапулки с драгоценностями, и это не считалось бы чрезмерным.

В модном наряде, с новой прической, в бриллиантах или жемчугах – а лучше и в том, и другом – Олимпия наденет это платье на официальный прием, где мама или скорее тетя Лавиния, она же маркиза Ньюленд, представит новоиспеченную герцогиню Эшмонт самой королеве.

И это не все, чему положено случиться после свадьбы.

Оставалась еще брачная ночь – событие, по словам мамы, не лишнее приятности, – хотя в подробности она не вдавалась. Однако за брачной ночью последует собственно брак – долгие годы замужества за Эшмонтом.

Будущая герцогиня Эшмонт схватила чашку с приправленным бренди чаем, который леди Ньюленд принесла, дабы успокоить нервы новобрачной, чашка оказалась пуста.

– Даже не думай сбежать, – предупредила тетя, когда принесла ей это укрепляющее дух средство.

Разумеется, нет: куда уж теперь – слишком поздно. Да и Олимпия была не из тех девушек, что пасуют или спасаются бегством от чего бы то ни было, а тут шанс, который выпадает раз в жизни. У нее шестеро братьев, так что рассчитывать ей в окружении было особенно не на что: команду или подчиняться.

Злые языки поговаривали, что для девушки у нее слишком жесткий характер и склонность к лидерству. Но кому какое дело, коль скоро Олимпия делается герцогиней...

Нагнувшись, она извлекла из-под туалетного столика фляжку с бренди, которую заблаговременно утащила у Стивена, отвинтила крышку и сделала глоток – по ее представлениям, никак не больше наперстка, – и, сказав себе, что поступает совершенно правильно, поставила на место.

Есть ли у нее выбор? Унизить жениха, который не сделал ничего плохого – Олимпии, во всяком случае, – чтобы заслужить подобное? Навлечь позор на собственную семью? Навеки погубить репутацию в глазах общества? И все из-за чего? Из-за того, что сосет под ложечкой? Разумеется, все это лишь следствие обычного волнения перед свадьбой.

Только умалишенная бежала бы от перспективы стать невестой одного из самых красивых, богатых и влиятельных мужчин в королевстве, сказала себе Олимпия. То есть Эшмонт мог бы стать весьма влиятельной фигурой, если бы захотел, но увы...

Нить размышлений прервал стук в дверь, и она попросила:

– Дайте мне еще несколько минут помолиться.

Ей нужно было время, чтобы посидеть в одиночестве, собраться с мыслями и подготовиться к столь разительной перемене в жизни – так Олимпия сказала матери и тетке. Те переглянулись, а потом вышли, но вскоре тетя Лавиния вернулась и принесла живительный чай.

– Десять минут, дорогая, – послышался из коридора голос матери.

Всего десять минут? Ладно, можно сделать еще глоточек.

Почти двадцать шесть, вернулась она к размышлениям. Никогда больше ей не получить столь выгодного предложения. Чудо, что она вообще кому-то оказалась интересна! И она знала, что делает, когда говорила «да».

Правда, Люциус Уилмот Бекингом, шестой герцог Эшмонт, был порядочной свиньей и личностью столь незрелой, что по сравнению с ним девятилетний Кларенс казался царем Соломоном. И да, само собой разумелось, что от его светлости ей не следует ждать верности.

Однако Эшмонт был так красив, что мог вскружить голову любой девице, стоило ему лишь захотеть. А ее-то он действительно хотел очаровать: она ему вроде бы нравилась. И вряд ли Олимпии следовало от него ожидать особенно неприятных сюрпризов. Характер герцога был отлично известен каждому, кто читал колонку светских новостей в модных изданиях.

Важно, что герцог сделал-таки предложение, хотя Олимпия была в безнадежном положении.

– Герцогиня, – сказала она собственному отражению в зеркале, – ты сможешь даже изменить мир, если захочешь, ну или хотя бы какую-то его часть.

Это самое большее, на что может рассчитывать женщина там, где правят мужчины. Разве что она станет королевой – и не просто супругой короля, а полноправной властительницей, – но даже тогда... О господи, куда это ее занесло? Даст Бог, с ней ничего такого не случится.

Где-то в голове – или, может, в сердце или в животе – пропищал ехидный, в точности как у кузины Эдвины, голосок: «Любовь всей жизни? И этого тебе тоже никогда не узнать. Не видать тебе прекрасного принца на белом коне! Даже влюбленного лорда не видать, как и, если хочешь знать, приказчика из магазина».

Олимпия мысленно придушила этот голосок: именно так, случалось, ей хотелось придушить и саму кузину Эдвины.

Та Олимпия, что тешила себя фантазиями о принцах и влюбленных джентльменах, была наивной дурочкой, когда вступила в свой первый лондонский сезон с головой, набитой любов-

ной чепухой, которую почерпнула в романах. И каждый год из последующих семи лет ее признавали самой занудной девицей сезона. За семь лет она не получила ни единого предложения, то есть ни одного из тех, что молодая леди в здравом уме могла бы принять даже в самом отчаянном положении, или ей позволили бы принять, заведись у нее поклонник преклонных годов. А потому что она могла ответить, когда ей сделал предложение сам герцог Эшмонт?

Сказать «нет», обеспечив тем самым себе будущее старой девы, приживалки у братьев, которые едва могут содержать себя и собственные семьи? Вот она и сказала «да», разом решив кучу задач. Все так просто. Нет смысла усложнять.

Она жадно отхлебнула бренди, потом еще.

В дверь снова постучали, на сей раз громче и настойчивее.

– Я поступаю правильно и доведу дело до конца, – шепнула Олимпия своему отражению. – Должен же кто-то это сделать.

А пока еще глоточек...

* * *

– Какого черта она там копается? – буркнул возмущенно Эшмонт.

Гости оживленно перешептывались, а при малейшем звуке за дверями гостиной головы дружно поворачивались туда, откуда должна была появиться невеста.

Прошло, должно быть, полчаса после назначенного времени, но никакой невесты в дверях не было.

Рипли вышел, чтобы справиться у матери леди Олимпии, уж не заболела ли невеста, но леди Гонерби с обескураженным видом лишь покачала головой. Пришлось объясняться с ее сестрой, леди Ньюленд.

– Что-то там с платьем, – сказал Рипли Эшмонту. – Ее тетка пошла наверх, прихватив с собой горничную и шкатулку для рукоделия.

– Да мне нет дела до ее платья! – заявил Эшмонт. – В любом случае я его очень скоро с нее сорву.

– Ты же знаешь, каковы женщины, – возразил Рипли.

– Не похоже, чтобы Олимпия волновалась из-за таких пустяков.

– Подвенечное платье вовсе не пустяк, – заметил Рипли. – Мне ли не знать. Наряд моей сестры стоил больше, чем та кобылка, что я купил у Першора.

Сестры Рипли здесь не было: по словам Блэквуда, Алиса отбыла в Кемберли-плейс, одно из имений Рипли, чтобы ухаживать за приболевшей тетушкой.

– Вот занудство, – буркнул Эшмонт. – Терпеть не могу эти дурацкие церемонии.

Лорд Гонерби вышел из гостиной, спустя минуту вернулся и весело объявил:

– Прошу прощения за задержку! Какая-то неприятность то ли с подолом, то ли с оборкой. Я послал за шампанским. Почему бы нам не промочить горло, пока они там орудуют швейными иглами?

Через минуту в гостиной появился дворецкий в сопровождении лакеев, нагруженных подносами с бокалами шампанского.

Эшмонт осушил один за другим, не делая перерывов, три бокала.

Выпил и Рипли, но всего пару глотков, поскольку не до конца отошел от бурных событий прошлой ночи. Стареет, должно быть, если чувствует себя не в своей тарелке, оттого что не поспал лишний час-другой после карт и возлияний, за которыми последовала еще и ночная драка, а потом пришлось вызволять Эшмонта из передраги и доставлять домой.

Была и другая причина для воздержания: обязанности шафера, которые он на себя взвалил. Прошлой ночью в «Крокфорде» Эшмонт попросил – скорее настоял, – чтобы один из

двоих опекал его на сегодняшней церемонии. Мало ли что: вдруг кольцо забудет, или разрешение на брак, или еще что-нибудь произойдет.

Блэквуд сразу отказался:

– Хватит с меня и одной свадьбы, своей собственной. На сей раз мне хочется просто веселиться и ни за что не отвечать.

Свалив ответственность на Рипли, «их бесчестие» ухмыльнулся и сделал ручкой, предложив приятелям отправиться по домам и хоть немного поспать.

Если Блэквуд и знал больше о страстном желании Эшмонта надеть кандалы, то виду не подал. Впрочем, у него и времени-то на разговоры не было: прошлой ночью Эшмонт болтал не переставая, и новости были для Рипли как гром среди ясного неба.

Прежде всего Эшмонт заполучил нареченную честным и благородным путем, то есть ухаживал, а потом сделал предложение. Другими словами, невеста не была беременна. Во-вторых, каким-то удивительным образом Эшмонт сумел убедить привлекательную, достойную и благоразумную девушку его ухаживания принять. Рипли мог бы поспорить на целое состояние, что во всей Англии не найдется ни одной благовоспитанной девушки в положении столь безнадёжном, что согласилась бы на ухаживания Эшмонта – или чтобы ей позволила семья в том случае, если бы девица лишилась разума под действием наружности и обаяния его светлости.

Как упоминал сам Эшмонт в нечастых записках друзьям, хозяйки великосветских салонов запретили ему посещать их приемы. Дал знать его светлости, что его присутствие при дворе нежелательно, и король. Исключили его также из списков гостей большинство благородных семейств Лондона. Чтобы подобные меры применялись к герцогу, причем далеко не бедному, прекрасно образованному и весьма привлекательному, нужно было очень постараться.

Похоже, однако, что дорожки Эшмонта и леди Олимпии пересеклись несколько недель назад где-то в окрестностях отеля «Кларендон». Чья-то зловредная собака, невзлюбившая его светлость с первого взгляда, попыталась стащить с него сапог. Эшмонт, как обычно нетвердо державшийся на ногах, потерял равновесие, когда пытался стряхнуть с себя псину, и чуть не полетел кувырком на мостовую, прямо под колеса кеба, который мчался на бешеной скорости, как и все наемные экипажи.

«Но тут кто-то ручкой зонтика подцепил мою руку и дернул меня назад, – рассказывал он Рипли. – Как раз вовремя, потому что меня занесло и я не удержался бы на ногах. Собака тем временем лаяла как в истерике. Женский голос сказал «цыц» или что-то в этом роде, и она ткнула зонтиком в тротуар, на сей раз острым концом. И знаешь, псина заткнулась и убралась, поджав хвост! А потом хозяйка собаки спрашивает: «Вы в порядке, сэр?» Ее горничная что-то там бормотала – несомненно, хотела увести госпожу от меня подальше. Мне казалось, что я в полном порядке, но Олимпия оглядела на мою ногу, заметила, что сапог изрядно порван, сказала, мол, не ровен час, заползет какая-нибудь гадость, – а потом ошарашила: «Через минуту здесь будет моя карета, и мы отвезем вас домой». Так она и поступила, несмотря на ворчание горничной, кучера и лакея. Леди Олимпия Хайтауэр! Можно в такое поверить? Я бы не поверил. Часто ли мы ее видели – здесь ли, там ли?»

Да сколько угодно, подумал Рипли, вспомнив очень высокую девушку в очках, но отнюдь не уродину, с хорошей фигурой... нет, скорее – с очень хорошей фигурой. С другой стороны, девица эта из весьма уважаемой семьи, но, по слухам, книжный червь. С тем же успехом она могла бы нацепить на свою прекрасную грудь ярлык с надписью «яд», с черепом и скрещенными костями.

«Она была очень добра, – продолжал Эшмонт. – Не жеманничала, не пускала слезу – вела себя как ты или я. И должен признаться, это меня покорило. И мне было плевать на то, что заявил потом дядя Фред, когда я сказал ему о ней: что я ее недостойн, что она слишком умна для меня и прочее, что говорят, когда хотят послать подальше. «Так это ей решать, не правда ли?» – заявил я и принялся ее обхаживать. Титаническая работа, доложу я тебе, но в конце

концов она ведь сказала «да», не так ли? А уж как вытаращил глаза дядюшка Фред, когда я ему рассказал! Даже хлопнул меня по плечу и воскликнул: «Ну, хоть какой-то из тебя толк в конце концов!»

Эшмонт ликовал, что хоть раз взял верх над своим интриганом дядюшкой, однако Рипли-то понимал, что лорд Фредерик Бекингем просто увидел некую возможность и выжал из нее все, что было в его силах. Сказать Эшмонту, будто он что-то не сумел или не сумеет, – верный путь заставить его сделать именно это.

Но, в конце концов, это не важно, коль скоро Эшмонт доволен, а девушка знает, на что идет, то есть должна знать, если так умна, как о ней говорят.

Беда заключалась в том, что свадебная церемония протекала не так гладко, как следовало: Эшмонту наскучило ждать, а заскучавший Эшмонт – это уже опасно.

Рипли бросил взгляд на Блэквуда, своего зятя: такого же смуглого и темноволосого, как он сам, но гораздо стройнее и привлекательнее, и Блэквуд направился в их сторону неспешным шагом.

– Не понимаю, что за проблема – платье, – кипятился Эшмонт. – Это же внизу, правда? Ну и пусть.

– А что, если она на него наступит и упадет лицом вперед? – заметил Блэквуд.

– Тогда я ее подхватчу! – сказал Эшмонт.

Рипли взглянул на Блэквуда, и оба воззрились на Эшмонта. Никаких сомнений: тот уже был изрядно навеселе, – но изо всех сил старался стоять прямо.

Если невеста не появится в самое ближайшее время, то в лучшем случае жених просто рухнет в пьяном беспамятстве на пол, а в худшем – затеет драку с кем-нибудь из гостей.

– К черту! – заявил Эшмонт. – Пойду ее разыщу.

Он направился к дверям гостиной, но споткнулся, и Блэквуд, ухватив приятеля за руку, воскликнул:

– Отличная мысль! К чему терять тут время?

Он подозвал взглядом с Рипли, тот взял Эшмонта под другую руку, и оба повлекли приятеля вон из гостиной. Поскольку гости толпились вокруг лакеев с шампанским, в коридоре им встречались только слуги.

– Куда? – спросил Блэквуд.

– Вниз, – ответил Рипли.

– Зачем вниз? Она же наверху, там, – пьяно возразил Эшмонт, указательным пальцем описывая круги в воздухе.

– Плохая примета – видеть невесту перед свадьбой, – сказал Рипли.

– Но я ожидал увидеть ее на свадьбе, – упирался Эшмонт.

Они повели его к лестнице, потом, не без усилий, вниз.

Рипли приходилось бывать в Ньюленд-хаусе, но было это целую вечность назад, поэтому расположение комнат нижнего этажа он помнил не очень хорошо. В старых особняках внизу можно обнаружить столовую либо гостиную, а то и библиотеку. Впрочем, это неважно: им сгодится любая комната. Главное – увести Эшмонта подальше от спиртного и не дать ему возможности затеять драку с кем-нибудь из присутствующих.

Приятель повели горе-жениха к двери, которая находилась на безопасном расстоянии от лестницы парадного хода. Рипли открыл ее, и первое, что они увидели, – целое пространство, заполненное белым, будто облако просочилось в комнату, немного похожую на библиотеку. Только облака не носят белых атласных тупелек и узорчатых чулок и не встают на высокую стремянку, чтобы достать книгу с верхней полки.

– Вот это да! – воскликнул Блэквуд.

– Черт, Олимпия! – буркнул Эшмонт и попытался вырваться из рук приятелей. – Что это вы затеяли?

– Давай-ка уведем его отсюда, – предложил Рипли.

– Нет, болваны, ничего у вас не выйдет! – заявил Эшмонт. – Я должен с ней поговорить. Нельзя портить свадьбу.

Именно так бы все и закончилось, если бы они отпустили пьяного приятеля. Рипли обратился к Блэквуду красноречивый взгляд, в котором ясно читался вопрос: «И что теперь делать?»

– Плохая примета – видеть невесту до свадьбы, – повторил свой аргумент Блэквуд и, выталкивая упирившегося Эшмонта в коридор, бросил Рипли через плечо: – Он назначил тебя следить, чтобы на свадьбе все было в порядке. Давай уже что-нибудь делай.

– Кольцо, – сказал Рипли, – разрешение на брак, деньги, если вдруг понадобятся, наготове. Но невеста?

– Ну думай же, – буркнул Блэквуд.

И после недолгих размышлений Рипли опять открыл дверь.

На сей раз библиотечная лесенка оказалась пуста. Раздавшийся от окна шорох заставил Рипли оглянуться. Белое облако сражалось с оконной задвижкой.

Рипли в несколько неторопливых шагов пересек библиотеку и спросил:

– И что это вы задумали? Разве вам не полагается быть на свадьбе?

– Ну да... Зачем спрашивать? Лучше бы помогли бедной невесте: задвижку заело, – заплетающимся языком ответила девица.

Рипли уловил в аромате духов запах бренди. И пусть ум его сейчас работал не так споро, сомнений не было: пьяная невеста собиралась сбежать через окно, – а это уже катастрофа.

– Почему? – спросил Рипли.

– Откуда я знаю почему? Заело, и все, – пробормотала леди. – Я же не плотник, или кто там делает окна, стекольщик?

– Я тоже не мастер по окнам, так что вряд ли сумею помочь, – сказал Рипли.

– Какой зануда. Прекрасная дама в беде, а вы...

Олимпия обернулась к нему и уставилась на узел его галстука, оказавшийся почти на уровне ее глаз, потом сощурилась и подняла взгляд. Серые глаза за стеклами очков покраснели: похоже, она только что плакала.

Очевидно, Эшмонт сказал или сделал что-то такое, что ее расстроило, но это и неудивительно: язык у него зачастую действовал куда быстрее мозгов. А уж об учтивости или чувстве такта вообще говорить не приходилось.

– Ну и ладно, – сказала Олимпия. – Вы вернулись, вот и хорошо.

– А, так вы меня заметили.

Рипли чувствовал себя странно польщенным: шампанское часто так на него действовало, даже в небольших дозах.

– Еще бы... в вас больше шести футов росту, – сказала леди, запрокидывая голову. – Вы стоите прямо передо мной. Я близорукая, но не слепая же. Даже без очков я вряд ли вас с кем-нибудь спутаю, даже на расстоянии... Вы бы отошли... куда подальше. – Она взмахнула рукой, словно отгоняя муху. – Уходите. Я только хочу глотнуть воздуха. В этом... как его... Кенсингтон-гарденс.

– В свадебном платье, – напомнил Рипли.

– Не могу же я снять его и снова надеть, как плащ. – Она говорила едва ли не по слогам, с исключительным терпением, как обычно что-то объясняют непонятливым детям. – Это очень сложно.

– Там дождь, – спокойно возразил Рипли.

Она отвернулась и уставилась в окно. Дождевые капли сбегали вниз по стеклу извилистыми дорожками.

Леди с королевским достоинством взмахнула рукой, отсылая его прочь, повернулась к окну и опять занялась непослушной задвижкой. На сей раз она поддалась. Олимпия толкнула

створку, открывая окно, и выбралась наружу, в трепещущем облаке кружев и атласа, буркнув уже с улицы:

– Прощайте.

Некоторое время Рипли просто стоял, будто в ступоре.

Она захотела уйти, а он считал недостойным удерживать женщин против их воли. Он мог бы пойти к Эшмонту и сказать, что его невеста пустилась в бега, мог вернуться в гостиную и предупредить кого-нибудь из мужчин ее семьи.

Это не его беда. Это беда Эшмонта.

Правда, он уполномочил Рипли быть его опекуном на свадьбе, потому что переживал, как бы что не пошло наперекосяк, и Рипли пообещал обо всем позаботиться, но поиски невесты в этот перечень не входили, да она вроде бы и не хотела, чтобы ее разыскивали... судя по тому, что плакала и была пьяна...

– Что б тебя! – сплюнул Рипли и вылез в окно.

Белое атласно-кружевное облако он успел заметить за миг до того, как девушка исчезла в зарослях деревьев и высокого кустарника, и ускорил шаг, то и дело поглядывая на окна дома. Кажется, никто ничего пока не заподозрил. Тем лучше. Если он скоренько приведет беглянку назад, они замнут скандал, и все будет в порядке.

Оглядевшись по сторонам, садовника он также не заметил: работники наверняка тоже где-нибудь пировали или просто попрятались от дождя.

Рипли слышал, как дождевые капли колотят по листве, траве и дорожкам, но сосредоточился на том, чтобы не потерять из виду невесту: леди очень резво продвигалась вперед, несмотря на обилие атласа, кружев и раздувающиеся рукава.

Он не стал кричать, поскольку было пока еще непонятно, убегает ли она со свадьбы или это действие бренди, и не хотел ее пугать или провоцировать на что-то совсем уж безрассудное. Хотя что это может быть, в данный момент даже представить невозможно.

Ее одежда не годилась для подобных упражнений – как, собственно, любая женская одежда, – да и место явно не беговая дорожка, а полоса препятствий. Сад в Ньюленд-хаусе так разросся, что деревья густо сплетали свои кроны, похоже, еще со времен королевы Анны. На скользкой почве невеста – во всем великолепии своего наряда и к тому же изрядно навеселе – рисковала подвернуть ногу, запутаться в юбках и поскользнуться или не удержаться на собственных непослушных ногах.

Рипли подобрался достаточно близко, чтобы увидеть, как ее нога поехала вперед, а руки замолотили в воздухе, точно крылья мельницы, когда она пыталась удержать равновесие, но опоздал на долю секунды, чтобы подхватить ее прежде, чем она проиграла битву и шлепнулась на землю.

Рипли схватил девицу за плечи и поставил на ноги, но та принялась брыкаться. Сквозь тысячи слоев платья и нижнего белья он чувствовал, как ее ягодицы приходят в соприкосновение с его чреслами, и на некоторое время это здорово его отвлекло: он ведь мужчина. «Отличная задница», – было его первой мыслью, но тут же пришла другая: «Делай что должен: приведи ее обратно».

– Прошу прощения. Я что, ошибся? Неужели вы хотите, чтобы я оставил вас лежать в грязи?

– Вы помяли мне рукава!

Дождь лил как из ведра. Шляпа Рипли осталась в доме, а без нее он казался себе голым: хуже даже, чем без одежды. К тому же промок до нитки.

Рипли разжал руки.

– Как скажете, но платье ваше уже испорчено: с него течет грязь, а на спине пятна от травы, как будто вы кувыркались в кустах с любовником. Да, то-то все повеселятся. Особенно

Эшмонт. И поскольку я единственный мужчина, оказавшийся подле вас, меня он и вызовет на дуэль. И тогда мне придется лечить его боевые раны. В который раз.

– Дайте ему по роже, – предложила мисс Хайтауэр. – Он даст сдачи, и тогда он не сможет вас вызвать, не будучи оскорбленной стороной.

Мокрая вуаль облепила ей голову и плечи, обрамлявшие лицо локоны развились и висели теперь мокрыми прядями, прическа съехала набок. Лицо ее исказила судорога, и Рипли решил, что она сейчас заплачет, но девушка упрямо вскинула подбородок и сквозь зубы процедила:

– Вы можете идти. Я в полном порядке. Мне просто надо немного... э-э... помолиться... такой торжественный момент, который навсегда изменит мою жизнь к лучшему. Итак, до свидания.

Рипли в нерешительности перевел взгляд с нее на дом. Что такое сотворил Эшмонт? Из-за чего она подалась в бега? Может, лучше оставить ее в покое и пусть бежит куда собиралась?

Нет, такого уговора не было, и нечего об этом думать. Его задачей было обеспечить свадьбе ровное, без эксцессов, течение, и конечно же с невестой.

Рипли обернулся к леди как раз в тот момент, когда та опять припустилась по тропинке среди густых зарослей рододендронов, только белое пятно мелькало тут и там. Дождалась, когда он немного отвлекся, и была такова. Предприимчивая девица, ничего не скажешь.

Понимая, что не может допустить, чтобы лучший друг остался без невесты на собственной свадьбе: не желает выходить за Эшмонта, пусть скажет это ему в лицо, после того как они оба протрезвеют, – Рипли бросился вдогонку.

Пока приглашенные на свадьбу отдавали должное шампанскому в западном крыле дома, лорд Ладфорд, старший брат невесты, сбился с ног в поисках сестры.

Ньюленд-хаус выстроили еще в начале семнадцатого столетия, потом все время что-то достраивали и вносили усовершенствования, так что здание, которое занимало изрядный кусок поместья, можно было теперь сравнить с клетями для кроликов. Семьи были дружные, леди, их светлости, приходились друг другу сестрами, поэтому никто не разбирал, где свое и где чужое, и все были в гостях как дома. Поскольку Эшмонту не терпелось жениться, а в доме Гонерби полным ходом шли ремонтные работы, дамы решили провести свадьбу здесь.

Как подозревал Ладфорд, они боялись, как бы Эшмонт не передумал, если придется ждать слишком долго, что, собственно, лично он бы и предпочел. Он считал, что Эшмонт не пара Олимпии, и не стал бы винить сестру, если бы она сбежала, скорее напротив: такое решение показалось бы ему вполне разумным, хоть и чреватым. Девушки из высшего общества, такие как Олимпия, не могут удирать с собственной свадьбы, не подмочив репутацию. Ужасающие последствия неминуемы, так что оставалось надеяться, что сестра прячется где-то в доме.

Олимпия, которая неделями торчала в этом доме в обществе своих двоюродных сестер, знала здесь множество тайных убежищ, где можно спрятаться, дабы прочесть очередной труд древнего классика или же проштудировать книжный каталог. Ладфорд предположил, что она проделала этот фокус и сегодня, хотя и не мог взять в толк зачем. Подобно отцу, он не утруждал себя размышлениями: заметив отсутствие фляжки, немедленно заподозрил младших братьев.

Чтобы добиться признания, зачастую хватало хорошей взбучки, так чтобы зубы застучали, но на сей раз сорванцы и сами, казалось, были искренне удивлены. Похоже, малыш Кларенс знал или подозревал, в чем дело, но говорить отказывался: упрямец, под стать Олимпии.

И Ладфорд отправился на поиски Кларенса в детскую, куда шалун был заточен после шумной игры, которая закончилась перебитыми бокалами для шампанского. Эндрю, соучастник преступления, был разлучен с братом и выслан скучать в классную.

Ладфорд распахнул дверь детской и провозгласил:

– Ты что-то знаешь, негодник! И лучше бы тебе сознаться, не то я...

Он умолк, заметив, как братец отскочил от окна, в которое смотрел, и лицо его было при этом багровым.

Да, понятно, что парень испугался, когда брат ворвался в комнату с явным намерением устроить ему взбучку, но Кларенс почему-то отскочил от окна так, будто оно вдруг загорелось, и закричал:

– Не знаю! Не знаю! И ты меня не заставишь!

Ладфорд бросился к окну, и как раз вовремя, чтобы заметить, как мелькнуло в кустах белое платье, а за ним – герцог Рипли, не то чтобы бегом, но и не прогулочным шагом.

Ладфорд пулей выскочил из детской.

Было бы неплохо, думал Рипли, преследовать веселую вдовушку в лунную ночь, по садовым дорожкам, петлявшим в саду среди высоких кустов, которые делали бы погоню еще более интригующей.

Увы, ночь сегодня выдалась не лунная, и леди Олимпия Хайтауэр отнюдь не веселая вдовушка. Белые сполохи мелькали впереди, удаляясь с неожиданной прытью, и, свернув на очередную тропинку, Рипли обнаружил, что белое платье пропало из виду. Через мгновение сквозь шум дождя он услышал тихое звяканье металла и бросился вперед. Заросли кустарника здесь были реже, и открылась маленькая прогалина, которая вела к железной калитке в высокой стене, которую и силилась отпереть леди Олимпия.

Несколько шагов по мокрой траве – и он оказался рядом с девушкой. Она на миг застыла, обернулась и взглянула на него.

– А, опять вы, – проговорила беглянка, запыхавшись от бега, так что грудь быстро вздымалась и опадала. – Эта гадкая калитка заперта.

– Разумеется. Хотите, чтобы сюда прибежали все присутствующие, вытоптали сад и поломали рододендроны?

– К черту рододендроны! Как тут вообще ходят?

– Возможно, никак, – предположил он.

– Значит, мы должны найти другой выход, – упрямо заявила дама.

– Мы? – хмыкнул он. – Нет. Вы и я не значит «мы».

Она вдруг застыла, испуганно округлив глаза. Он тоже услышал. С той же стороны, откуда, по его представлениям, пришли они с Олимпией, раздавались голоса.

– Теперь это неважно, – отмахнулась она. – Слишком поздно. Вам придется помочь мне перелезть через стену.

– Нет, я не могу.

– Можете, – возразила она. – Вы здесь, и от вас ничего больше не требуется. Принесите пользу хоть раз в жизни и помогите мне выбраться из этого сада, пока еще есть время. – Она топнула ногой. – Давайте же!

От ее прически ничего не осталось, и теперь мокрые русые пряди облепили лицо, в них застряли листья и сухие цветы рододендрона вперемешку с яблоневыми лепестками. Вуаль змеей обвивала шею, кончик изящного носика украло грязное пятно.

– Через стену, – повторил Рипли, пытаясь выиграть время.

– Ну да! Не могу же я карабкаться по плющу в этом платье и в этих туфельках. Быстрее! Вы что, не слышите их?

Он пытался что-нибудь придумать, чтобы ее задержать, но голова соображала туго. И только когда услышал крики: сразу вспомнился лай собак и вопли разгневанной толпы, – в его мозгу что-то щелкнуло.

Еще со школьных времен трое приятелей привыкли спасаться от полицейских, а также от разозленных фермеров, священников, торговцев, – в общем, от представителей всех ува-

жаемых слоев общества, не говоря уж о сутенерах, карманниках, шулерах и прочих не столь уважаемых персонажей.

Рипли сплел пальцы рук, нагнулся и скомандовал:

– Ставьте ноги сюда, живее!

Держась грязной рукой за стену, она поставила ногу в грязной мокрой туфельке в его ладони и оттолкнулась от земли. С легкостью, которая непременно удивила бы Рипли, если бы у него еще остались силы чему-то удивляться, леди вскарабкалась ему на плечи и полезла вверх.

Ну и зрелище же ему открылось пусть и всего на мгновение: стройная ножка в чулке и подвязка, далее – белый атлас, нижние юбки и аромат женщины. Рипли едва сумел сохранить трезвость ума, чтобы не схватить леди за щиколотку для пущей устойчивости, а сверху раздалось:

– Поднимите меня повыше, и побыстрее, а то они уже близко.

Голоса и правда становились все громче.

Отбросив в сторону щепетильность, Рипли схватил ее за щиколотки и поднял высоко над головой. Через мгновение его руки перестали ощущать тяжесть – она нашла опору вверху. Он поднял голову и увидел ее ноги: она вскарабкалась на стену и села, – а в следующий миг исчезла из виду.

Голоса были совсем близко.

Минуту назад он не дал себе труда как следует все обдумать, а сейчас было уже некогда. Как только Олимпия исчезла за оградой, он вцепился в спутанные плети плюща, вскарабкался по ним наверх и, перебравшись на ту сторону, огляделся.

Облако белого атласа и кружев быстро двигалось по Хортон-стрит, и Рипли бросился вдогонку.

Глава 2

Нагнал он сбежавшую невесту уже в Кенсингтоне, на Хай-стрит. Она замедлила шаг, но не остановилась, кивком указав на вереницу наемных экипажей, ожидавших пассажиров:

– Карета. У вас есть деньги?

– Сначала помочь вам забраться на стену, – заметил Рипли. – Теперь деньги на экипаж.

– Но вы же зачем-то помчались за мной...

– Ну... да, потому что...

– Это не важно! – оборвала она его. – Просто нужны деньги. Для кареты. – И взмахнула рукой: – Сюда!

Кучер первого в очереди кеба уставился на нее с интересом, но намерения тронуться с места не выказал. Стоило ли удивляться? Леди выглядела так, будто сбежала из приюта умиленных.

Да и Рипли, если уж на то пошло, тоже имел вид весьма эксцентричный: без шляпы, перчаток и трости, но поскольку он был герцог, притом один из самых скандально известных дворян в Англии, узнать его было легко.

Сопровождать Олимпию надлежало Эшмонту, но поскольку его не было и кому-то следовало присмотреть за его невестой, эта обязанность легла на плечи его друга. Нельзя, чтобы благовоспитанная молодая особа благородного происхождения разгуливала в одиночестве, тем более невеста его взбалмошного друга, не сумевшего ее удержать.

Это, конечно, замечательно: творить сумасбродства и плевать на общество, – но если мужчина просит девушку выйти за него, не следует давать ей повод вовсе не появиться на свадебной церемонии.

Потрясающее разгильдяйство, вот что это такое. Эшмонт был так избалован женщинами, что ему и в голову не приходило, что их надо завоевывать, хотя следовало бы этому научиться.

Рипли положил руку ей на плечо.

– Давайте остановимся и подумаем.

– А я уже подумала, и знаете, о чем? Где этот чертов кеб?

– вспомните, что у вас за вид: подвенечное платье, фата и прочее. Создается странное впечатление, не находите?

– Мне все равно, – выпалила невеста.

– Положим, – сказал Рипли. – Однако попробуем немного успокоиться и сделать вид, будто мы в здравом уме.

– Почему же это «будто»? Я в здравом уме и совершенно спокойна.

– Очень хорошо. Теперь давайте разбираться в сложившейся ситуации. Куда вы предполагаете отправиться?

Она сделала неопределенный жест рукой.

– Прочь отсюда.

– Прочь, – повторил он. – А поконкретнее?

Она пожала плечами, тряхнула головой, так что остатки прически пополам с кружевом и всем прочим съехали еще ниже на бок, и Рипли понял, что ему, похоже, придется думать за двоих. Обескураживающая перспектива: терпеть не мог напрягать мозг и принимать решения. Он помахал рукой, и первый экипаж в очереди загромыхал колесами по мостовой, направляясь к ним. Девушка тем временем приплясывала от нетерпения. Наконец экипаж остановился, Рипли рывком распахнул дверцу, но едва леди поставила ногу на ступеньку лесенки, как потеряла равновесие и стала заваливаться назад. Пришлось легонько подтолкнуть ее в спину, и она повалилась в солому, которой был услан пол кареты. На то, как леди поднимается и плюхается на сиденье, без смеха смотреть было невозможно, но Рипли, хоть и с трудом, сдержался. Она

расправила юбки, выпрямилась, поправила очки и воззрилась на него, не понимая, что ему резко улучшило настроение.

– Куда ехать, ваша честь? – осведомился кучер.

– Ваша светлость, – поправила она. – Неужели не видите, что у него спеси куда больше, чем у простого лорда? Ясно как день, что перед вами герцог!

Настроение Рипли воспарило еще на одну ступеньку.

Кучер если и услышал ее, то виду не подал, а Рипли, усевшись, скомандовал:

– Баттерси-бридж.

Это было далеко к югу, так что хватит времени решить, что делать дальше; то ли вернуть девицу жениху через разумный промежуток времени, то ли не возвращать.

Преимущество выбранного маршрута заключалось в том, что друзья начнут искать его там далеко не в первую очередь.

А может быть, под ее «прочь» подразумевалось вполне конкретное место? Он спросил, но услышал в ответ:

– Да помолчите вы: я думаю.

Карета пришла в движение, и Рипли заметил:

– Странно. Мы с вами едва перемолвились парой слов, но я уже успел понять, что вы и ваш мозг – два разных государства, пребывающих в состоянии войны.

Леди покачала головой и погрозила ему пальцем в той манере, что сразу отличает пьяницу.

– Этим меня не остановишь: если я хочу говорить, то буду. Ну а вы заодно уж подумайте, окажите любезность, как все это объяснить.

– Объяснить что?

Она указала на грязное свадебное платье и непрезентабельность кареты.

– Вот это: бегство. Я не понимаю, что стряслось, а потому не уверен, что это наилучший выход. Вот и задаюсь вопросом, не велеть ли кучеру доставить нас обратно.

– Нет, – твердо сказала Олимпия совершенно трезвым голосом.

– Видите ли, у меня выдалось довольно утомительное утро: все пошло не так, как предполагалось, и в мои планы не входило путешествие к Баттерси-бридж со скоростью улитки в облезлом наемном кебе, – медленно проговорил Рипли. – Кроме того, я никак не предполагал носиться за пьяной невестой, которая в последнюю минуту решила сбежать с собственной свадьбы.

– Да кто вас просил? – возмутилась Олимпия. – Не только у вас выдалось тяжелое утро. И если не хотите мне помогать, вы вольны остановить карету и сойти.

– В том-то и дело, что не волен. У меня есть особое поручение жениха: я его ангел-хранитель или – в данный момент – вроде подружки невесты. Я не знаю, зачем Эшмонт поручил это именно мне: может надеялся, что я провалю дело, – но знаю точно, что не могу допустить, чтобы леди разгуливала по городу в одиночестве. Мне следовало бы вернуться хотя бы для того, чтобы взять шляпу. Или просто вернуться, а вас бросить на произвол судьбы, но я не смог, потому что, как я уже вам объяснил, у меня важное поручение. Зачем переживать из-за кольца, разрешения на брак, денег и прочего, если невеста убежала бог знает куда.

– У вас мокрые волосы, – словно и не слышала его слов, заметила Олимпия.

Рипли, привыкший к бессвязным пьяным речам, лишь заметил:

– Тут все мокрое, но не беспокойтесь: я не растаю.

– Если и беспокоиться, то не об этом, – сказала Олимпия. – Дело в том... – На минуту она закрыла глаза, но не потерять нить размышлений оказалось для нее непосильной задачей. – Когда вы высадите меня на мосту...

– Любой другой, который предвкушал тихую и мирную свадебную церемонию, хорошее шампанское и изысканный свадебный завтрак – как вам известно, семейство Ньюленд держит

превосходного повара, – лишившись угощения, о котором мечтал, мог почувствовать соблазн не высадить вас на мосту, а сбросить в реку. Но я...

– Да, из вас вышла прекрасная подружка невесты, – перебила Олимпия.

– Мне не приходилось топить женщин – вот что я хотел сказать.

– Я найму лодку, – объявила леди таким тоном, будто читала королевский указ или выносила смертный приговор. – Отправлюсь к тете Делии в Твикенем.

– Замечательно! – обрадовался Рипли. – Значит, у вас есть план.

– Да. Мне всего лишь требовался умственный толчок в вашем понукающем обществе.

– А нет ли возможности так вас толкнуть, чтобы вы поведали, от чего, собственно, бежите? – спросил Рипли. – А еще лучше – нет ли возможности заставить вас передумать и вернуться назад? Хотя малейшая возможность чего-то, знаете ли, хотя бы граничащего с разумным?

– Кости брошены, – заявила она так, будто читала указ или провозглашала смертный приговор. – Окажите любезность – уберите с моей головы это уродство.

Поскольку Рипли не был так уж сильно пьян – или не пьян вовсе, как ему казалось, – он быстро сообразил, о чем речь, но все же уточнил:

– Вы о прическе? Разве это не ваши собственные волосы?

– Неужели это архитектурное сооружение вообще похоже на человеческие волосы? Оно съезжает вниз и тянет за собой мои собственные волосы. Это в высшей степени неудобно и совсем не мое. Нельзя сделать конфетку из поросычьего хвостика. Я пыталась это сказать, но меня н-не слушали.

Она вдруг разрыдалась, да так горько, что Рипли растерялся, но потом взял себя в руки.

На мужчин, как правило, слезы наводят панический страх, но Рипли был не из таких. Если бы эта рыдающая особа была его сестрой, он подставил бы ей плечо и даже позволил испортить любимый сюртук и шейный платок, а также испачкать румянами носовой платок, потом дал бы денег на какую-нибудь женскую ерунду. Будь это его любовница, он пообещал бы ей ожерелье из рубинов или бриллиантов – в зависимости от объема и скорости проливания слез, но эта плачущая особа женского пола не приходилось ему ни сестрой, ни любовницей, ни даже матерью. Помимо всего прочего это была нареченная Эшмонта. Таких женщин, как Олимпия, у его приятеля никогда еще не было, так что это положение с плачущей леди было новеньким, прямо с иголки, и Рипли требовалось время, чтобы обдумать дальнейшие действия.

– Возьмите себя в руки, – заявил он, решив приступить к делу. – Вам хватило храбрости перелезть через стену, и мир от этого не рухнул.

– Нет, рухнул! – сквозь рыдания проговорила Олимпия. – Я все погубила! Кларенс никогда не будет учиться в Итоне, Эндрю не станет корнетом, а я никому не сделаю добра, и у меня не будет даже библиотеки!

Рипли не мог взять в толк, о чем она говорит, и не видел смысла напрягаться, чтобы понять. Часто ли женщины говорят что-то разумное? Каковы шансы на то, что сейчас именно тот случай?

И он сказал ободряющим тоном, будто жокею перед скачкой:

– Умереть – это не выход. Вы же можете вернуться. Эшмонт настолько пьян, что поверит всему, что вы ему наговорите. А завтра и не вспомнит ничего – так, в общих чертах. Я скажу ему, будто вы случайно выпили спиртное, и...

– Я не п-пила.

– Позвольте с вами не согласиться, – сказал Рипли. – Вы не просто выпили, а напились и едва не свалились с лесенки кеба. Вот поэтому мы ему скажем, что вы случайно выпили бренди, подумав, что это... О господи, ну с чем можно спутать бренди?

- С... с чаем, – прорыдала девушка. – Сначала б-бренди был в чае.
- Сначала... – повторил Рипли. – А потом?..

Олимпия извлекла из пышного рукава крошечный шелковый, отделанный кружевом квадратик, сняла очки и, вытерев глаза и нос, водрузила очки на место, поправив пальцем, чтобы сидели как нужно, и пояснила:

– Сначала я выпила тот чай, а потом то, что было во фляжке Стивена, которую я украла вчера вечером, после того как мама рассказала про брачную ночь. То есть скорее намекнула, так что много чего я так и не поняла, вот и подумала, что бренди укрепит мою решимость, подготовит к неизбежному.

– Вашей матушке следовало быть красноречивее, – заметил Рипли. – Но в то же время Эшмонт, знаете ли, не какой-нибудь неопытный болван.

– Вот именно. Он опытный болван!

– В любом случае бояться нечего: все этим занимаются, и никто пока еще не умер – скорее наоборот.

– Да, я знаю: в результате появляются дети, – мрачно сказала она. – Мне следовало разузнать все самой, вместо того чтобы полагаться на маму. Не уверена, что она понимает, как все связано. Акт спаривания и дети. У нее их в избытке. На ее месте я бы остановилась после трех. Или после трех мальчиков. Хорошая, безопасная цифра, не правда ли?

Рипли даже не думал об этом. Слишком долго у него не было женщины, и в данное время поправить положение не представлялось возможным, однако воображение, которое так охотно подчинялось указаниям маленького мозга пониже талии, услужливо подсказало, что можно все исправить прямо сейчас – даже никуда ходить не придется.

Рипли заставил себя сосредоточиться на том, что она говорит. К счастью, леди уже сменила тему:

– Я не могла взять в толк, почему он сделал предложение именно мне. Сомневаюсь, что его положение было таким уж безнадежным. Вы бы удивились, если бы узнали, что девушки в большинстве своем готовы простить мужчине пороки и слабости, если этот мужчина – герцог. Или, может, хотя бы не удивились.

Положим, таких дамочек нашлось бы немало, да только не того сорта, чтобы из них вышла герцогиня, которая требовалась Эшмонту. При всех его недостатках даже у этого оболтуса имелась гордость – к его же собственной невыгоде. Даже в пьяном угаре не женился бы он на девице непривлекательной, низкого происхождения и не знакомой с правилами приличия. Не выбрал бы он особу глупую, скучную или вздорную. Само совершенство – вот что требовалось Эшмонту, и неважно, что он его вряд ли заслуживал.

– Я приказала себе не заглядывать дареному коню в зубы, – сказала Олимпия.

– Почему дареному? – не понял Рипли. – Он вас хочет. Разве этого недостаточно?

Она покачала головой.

– Не вижу смысла.

Должно быть, она действительно близорука. Не носи она на себе клейма «яд», Рипли и сам занялся бы ею давным-давно.

– Все как раз очевидно: будь вы мужчиной, поняли бы.

– Вот я и пошла сегодня в библиотеку, чтобы выяснить подробности.

– Стоило ли тянуть с этим до дня свадьбы? Нет, даже не дня, а до того самого момента, когда вам полагалось сказать «да». Причем в не самом лучшем физическом состоянии.

– Я старалась не думать об этом, но мысли лезли в голову сами собой. Вы когда-нибудь пытались избавиться от каких-нибудь мыслей?

– Мне редко приходится особо уж стараться.

– Вы просто гоните их прочь?

– Да.

– Хорошо быть герцогом, – со вздохом проговорила Олимпия.

– Неплохо, – согласился Рипли.

Гораздо, гораздо лучше, чем сыном герцога, – Рипли знал это по собственному опыту и опыту своих друзей. Он не мог с уверенностью сказать, что их отцы составили бы троицу самых плохих отцов среди британской аристократии, но побороться за этот титул они бы точно могли.

– А вот я не могу, – сказала она. – Если что-то засело в моей голове, мне это нужно понять, а если я не понимаю, это не дает мне покоя. Но в библиотеке я нашла только книгу по скотоводству и только тогда наконец поняла, что к чему. Нас в семье семеро, но девочка только одна. Наверняка те, кто уговорил его жениться или заставил хитростью, твердили ему: «Вот девица Гонербби. Для получения потомства лучше не найдешь. Отличные шансы, что родится наследник, да еще несколько про запас – на всякий случай».

– Зная Эшмонта, я нахожу ваши предположения исключительно маловероятными. Вы наделяете его способностью рассуждать, каковой у него отродясь не было. Насколько я понял, вы привлекли его внимание тем, что в один прекрасный день выказали ему свою доброту.

– Доброту! – воскликнула она. – Просто не могла допустить, чтобы его переехал кеб.

– Вы очень быстро приняли решение и проявили изрядное проворство в действиях.

– У меня шестеро братьев, которые вечно попадают в разные переделки, так что действовала я инстинктивно.

– Он воспринял это иначе, особенно, когда вы доставили его домой. И пока вы ехали, он, похоже, хорошенько вас рассмотрел, и вы пробудили в нем желание. А поскольку вы леди, для этого необходимо жениться.

Вряд ли бедняга Эшмонт мог предполагать, какую веселую жизнь могла устроить ему эта благовоспитанная девушка.

Она покачала головой.

– Нет-нет, тут что-то еще. Я не из тех особ, от которых мужчины теряют голову.

Вполне вероятно, что она права. Скорее всего, Эшмонт сразу забыл бы о том происшествии, если бы не интриги дядюшки Фреда. Впрочем, Рипли не собирался просвещать девицу на сей счет. Он мог бы подсказать ей, как можно управлять Эшмонтом... но нет: она далеко не глупа, быстро догадается сама.

– Я из тех, на ком женятся из практических соображений, – продолжала рассуждать Олимпия. – Чтобы вела дом, брала на себя за все ответственность, произвела наследника и еще несколько – про запас, когда все остальное неважно.

– Эшмонт так не считает.

Она отвернулась к окошку кареты.

– Но з-знаете ли вы... – Слезы опять потекли по ее щекам. – У нас тоже было не все гладко: ведь нас должно было быть девятеро, – и папа с мамой очень страдали. Вряд ли Эшмонт сумел бы меня утешить, случись у нас такое. И я знаю, что еще могли сказать Эшмонту в пользу женитьбы: «И никаких сомнений насчет кукушки в гнезде! Нечего и сомневаться – никто и никогда ее даже пальцем не касался».

Рыдания продолжались, и Рипли становилось решительно неуютно.

– Как я понимаю, мы дошли до стадии пьяного раскаяния, – заключил он, постукивая пальцами себя по коленке.

– Да, понимаю, вам виднее. – Она вытерла лицо бесполезным кружевным комочком. – То есть мне безразлично, как вы это называете, да я и не ждала сочувствия или хотя бы понимания.

– Я стараюсь изо всех сил, – сказал Рипли, – однако мой ум, знаете ли...

– Да, знаю, – проговорила она со вздохом. – Как и у него. Как бы там ни было, я думала, что готова принести жертву, хотя многие сказали бы, что это абсурд – называть жертвой перспективу сделаться герцогиней.

– Я тоже мог бы так сказать.

– Да плевать, что вы там могли сказать, – отрезала Олимпия.

– Какой удар для меня!

– Не знаю, зачем пытаюсь вам что-то объяснить. Уверена, что он сказал все, что следовало, а уж убеждать он умеет, да и у меня были свои резоны согласиться. Я думала, что подготовилась, но брак – путешествие в неизвестность. Вы думаете, что все знаете, потому что один из таких, как он. Да я продвигу все, что вы готовы сказать.

– Сомневаюсь. – Рипли по-прежнему, как ни старался, с трудом понимал, о чем толкует леди.

– Вы скажете, что мне следовало спросить его, почему он выбрал меня. И не говорите, что он меня хочет, потому что это вранье: просто я никому больше не понадобилась.

Рипли не сомневался, что она заблуждается: девушка весьма привлекательна, – но чего он не понимал, так это почему никто еще не делал ей предложения. Не все же мужчины таковы, как «их бесчестья»! В любом случае жениться нужно всем, и мужчины тратят кучу времени и сил на поиски подходящих девушек. Рипли вынул из кармана носовой платок, подал Олимпии и выглянул в окошко кареты. По-прежнему шел дождь. Предсвадебная нервная лихорадка, сказал он себе. В этом все дело.

Он перевел взгляд на ее грязное платье и туфельки, растрепавшуюся прическу, опухший нос... прикинул расстояние через реку до Твикенема и время, которое наверняка понадобится, чтобы справиться с трудностями (а он-то, как никто другой, знал, что они точно возникнут), и, приняв во внимание все детали, заключил, что план леди Олимпии совсем не плох. Все шансы на то, чтобы благополучно передать ее в руки тетушки – уже через несколько часов, задолго до наступления вечера, – так что репутация девушки не пострадает. Если угодно, ее репутацию даже укрепит тот факт, что она сбежала! Хорошо бы, конечно, Эшмонту броситься в погоню за невестой: он просто обязан был это сделать, но он упрямец, каких мало, хотя и ужасный собственник. Протрезвев, он наверняка предпримет меры, чтобы вернуть невесту. И общество будет в восторге, когда увидит, как достойная жена, в конце концов, наставит повесу на путь истинный. Лорду Фредерику такое развитие событий точно бы понравилось.

Эшмонт, привыкший, что дамы сомнительной репутации сами вешаются ему на шею, не справился с задачей, не представлявшей особого труда. Ему никогда не приходилось прилагать усилий в отличие от Блэквуда и самого Рипли. Правда они, как правило, не имели дел с благовоспитанными дамами, и понятно, что в этом случае задача усложнялась. Итак, все к лучшему. Пришло, наконец, время, чтобы кто-то преподал избалованному красавчику урок.

А эта девушка явно заставила его потрудиться: сначала ухаживания, потом свадьба. И наверняка она не даст ему спуска и в браке. Его светлости, если он хочет вернуть невесту, потребуется обдумать свое поведение, прислушаться к советам друзей – по идее, должен справиться.

Не похоже, чтобы леди Олимпия была так уж решительно настроена против брака с Эшмонтом. Если бы не бренди, она, вероятно, сейчас уже была бы замужней дамой, но так уж на некоторых действует спиртное: мелочи вырастают до чудовищных размеров. И тогда наилучшим выходом кажется самый безрассудный.

Уж Эшмонту это известно, как никому другому. То-то народ повеселится, когда попытается справиться со своей невестой – этой самой невестой! – а потом женой.

– Надеюсь, ваша тетушка – дама респектабельная? – спросил Рипли. – Не эксцентричная особа, любительница приключений? Не швыряется в гостей чем ни попадя? Не флиртует с лакеями или конюхом – в открытую, я имею в виду?

Олимпия вытерла глаза и высморкалась.

– Приключения тетя Делия, кажется, любит – по крайней мере, так говорили мама и тетя Лавиния, однако она дружна с самой королевой и время от времени ездит к ней в гости.

– Тогда почему ее не было на свадьбе?

– Небольшое недомогание не позволило ей выдержать тягот путешествия – во всяком случае, так она написала маме, – но я почти уверена, что она не очень-то и хотела присутствовать на этой свадьбе. Тетя находит, что в доме у Ньюлендов слишком шумно: еще бы, с такой оравой детей. Такого же мнения она и о семействе Гонерби, только у них неразберихи еще больше, поскольку в поместье идет ремонт.

– Но она хотя бы будет дома, когда мы приедем?

Олимпия кивнула, и оттого что прическа перекосилась еще больше, девушка поморщилась.

– Как вы можете меня допрашивать, когда эта гадость выдирает мне волосы с корнем? Разве что вам доставляют радость методы инквизиции. Если вы не поможете мне от нее избавиться сию же секунду – я не отвечаю за последствия.

– Полагаете, я испугался? – усмехнулся Рипли. – Знаете, вид у вас вовсе не грозный – скорее наоборот: можно умереть со смеху.

Олимпия поправила очки, съехавшие на кончик носа во время слезной бури, и пристально взглянула на него – то есть настолько пристально, насколько позволяло ее состояние.

– Ну, если вам трудно, я справлюсь сама, но если эта штука угодит прямо вам в лицо, вините только себя.

– Так вот что мешало вам освободиться раньше? – сказал Рипли. – Боялись, что все это сооружение разлетится в стороны?

– У меня нет зеркала, так что я не знаю, в каком состоянии моя голова. Но ничего. Правильно, что не разрешаете мне вас беспокоить.

Она запустила руки в волосы и начала разбирать сплетенное из множества косичек сооружение на макушке. Для этого потребовались движения корпусом, отчего соблазнительно закачалось то, что было непосредственно над вырезом платья и под ним. Ему тут же вспомнились так называемые «египетские танцовщицы», которых он когда-то видел в театре. Наконец Олимпии удалось выдернуть одну-единственную шпильку, и та выскользнула из пальцев и упала в солому. Она что-то пробормотала.

Утраченная шпилька – это ведь не смертельно? У ее тетушки, несомненно, найдутся горы шпилек. Ее движения и воспоминания о танцующих девушках напомнили Рипли, какие позы принимала леди, когда он вытаскивал ее из грязи, и его мужской орган среагировал незамедлительно, и слишком уж живо, учитывая обстоятельства и долгий промежуток времени с тех пор, когда...

Ладно, об этом он подумает позже: сегодня же вечером, возможно, после того как это свадебное недоразумение будет улажено.

Рипли благополучно вручит девицу ее тетке, потом вернется и даст хорошего пинка и несколько полезных советов Эшмонту, и тот ее разыщет. Замечательная выйдет шутка, и приятель непременно ее оценит, как только успокоится. В конце концов, он сам выкинул немало подобных коленец.

– Я решил вам помочь, – сказал он девице. – И теперь хочу соснуть, но это невозможно, пока вы тут ерзаете и проклинаете все на свете.

– Я не...

– Знаете, я ведь понимаю по-французски: до некоторых пределов, конечно, – а все дурные слова в эти пределы прекрасно укладываются.

Нужно благодарить дождь и вековые отложения грязи на окне за то, что в кебе было темно, как в могиле, и все равно Олимпия смогла отлично рассмотреть герцога Рипли. И немудрено, поскольку он занимал почти все пространство кареты.

Олимпию почему-то очень волновало – больше, чем ей бы хотелось, – что его длинные ноги находятся всего в нескольких дюймах от ее собственных.

Она оставила в покое свои волосы и взглянула на герцога. На его лицо падала тень, но все-таки она сумела рассмотреть прямой надменный нос и резкие черты лица: четко очерченные линии скул и подбородка. Что у него зеленые глаза, она заметила раньше, в свой первый сезон, когда их представили друг другу. Это все, что Олимпии запомнилось наверняка. Она тогда ужасно смутилась: отчасти из-за его внешнего вида. Все трое «их бесчестий» были высокие, плечистые мужчины, и все трое не отличались благонаравием, однако лишь под взглядом Рипли она почувствовала себя не совсем одетой и от его хищной ухмылки ее язык безнадежно прилип к нёбу.

С другой стороны, тогда она была наивной и неуверенной в себе дебютанткой. В то далекое время три герцога считались повесами, но очень даже годились в женихи, хотя посещать рынок невест явно избегали: даже самые красивые юные леди из благородных семейств их не интересовали.

Вот почему если все эти годы Олимпия и видела Рипли, то, как правило, издали: где-нибудь в углу переполненного бального зала, на лошади или в коляске в Гайд-парке, на регате или скачках, – а вот за весь прошлый год не видела ни разу, потому что он был за границей.

Он несколько не изменился. От взгляда его сонных глаз у нее, как и прежде, начинало щекотать в животе. С чего бы это, ведь взгляд его ничего не выражал. Многие думают, будто глаза – зеркало души. В данном случае зеркало было наглухо занавешено. И это, наверное, к лучшему.

Впрочем, она бы все равно ничего не прочла бы в его душе, даже если бы он приподнял завесу: в данный момент ум не подчинялся Олимпии. Когда она пыталась думать, мысли прыгали и разбегались – не поймаешь.

Кроме того, из-за этой дурацкой прически болела голова и думать было невозможно.

Все свое время, сказала себе Олимпия. Когда они доберутся до Баттерси-бридж, она сделает следующий шаг, каким бы он ни был, а пока главное – унести ноги, и как можно дальше.

– Отодвиньтесь на край сиденья и наклонитесь ко мне, – приказал Рипли.

Олимпия сомневалась, что сможет удержаться: еще не протрезвела, – но признаваться в этом не хотела. Наверняка он задумал очередную шутку! С другой стороны, кто сказал, что этот герцог отличается от двух других? Более того: если уж по справедливости, она и правда сейчас собой еще то зрелище.

Самое главное сейчас – освободиться от чудовищного свадебного сооружения на голове: казалось, она таскает на себе колокольню.

Олимпия переместилась на край сиденья, наклонила голову и чуть не подскочила на месте, когда герцог запустил свои длинные пальцы в ее прическу, дотронувшись и до кожи. Гофрированные манжеты рукавов чуть коснулись лица, и она уловила запах влажной льняной материи и чисто мужской аромат – одеколону или мыла для бритья.

В этот момент она с внутренним трепетом вспомнила то ощущение, когда его руки подхватили ее, вытаскивая из грязи: такие крупные сильные руки, и таким властным было их прикосновение... Она прижималась спиной к его теплему торсу, твердому как скала. Потом его руки с длинными пальцами сплелись с ее руками, помогая взобраться... обхватили лодыжки...

Случалось, конечно, братья помогали ей перелезть через ограды или заборы, то есть прикосновение мужских рук ей было не внове, но он-то не был ей братом. Это был мужчина, который смотрел на нее так, что у нее путались мысли и куда-то девалось самообладание. Некстати вспомнились маловразумительные намеки матери насчет того, что происходит в первую брачную ночь, которые совершенно не способствовали восстановлению ее душевного равновесия.

Олимпии хотелось выпрыгнуть из собственной кожи.

Но нет. Она не позволит себе думать о том, что мог увидеть герцог Рипли, пока она стояла на его плечах. Стоило только подумать – и у нее начинала кружиться голова.

– Не дергайтесь вы, – прервал он ее душевные муки.

– И не думала, – буркнула она.

– Сидите спокойно: мне и так приходится действовать на ощупь в темноте.

– Что я могу поделать, если карету трясет, – возразила Олимпия. – И мне ужасно неудобно.

Это еще мягко сказано: ей было не по себе, бросало в жар, гудела голова.

– Я пытаюсь сделать это побыстрее, однако ваша горничная – или парикмахер? – запрятали шпильки так, что не найдешь. Или эту штуку промазали клеем?

– Нет, там только шпильки – примерно тысяча – и немного помады для волос.

– Протяните руку, я буду подавать вам шпильки, – предложил Рипли. – Полагаю, листья и сухие ветки сохранять не нужно? Сейчас вы похожи на Офелию, после того как она утопилась.

– Фата цеплялась за что ни попадя, – объяснила Олимпия. – А вы что, читали «Гамлета»?

– Мне нравятся пьесы Шекспира: и трагические, и комические, и шуток непристойных полно.

Олимпия протянула руку, их пальцы соприкоснулись – это Рипли опустил в ее ладонь несколько шпилек, – и мимолетное прикосновение отдалось во всем ее теле. Надо было надеть перчатки, прежде чем бежать, но тогда пришлось бы вернуться в комнату, а там наверняка кто-нибудь ее дождался – мама или тетя Лавиния. Вот и угодила бы в ловушку. Значит, возвращаться было нельзя, как не следовало тянуть до последнего, чтобы дать деру, да и вообще не следовало удирать. Что с ней не так?

Олимпия смотрела, как кружатся в воздухе и падают в солому цветочные лепестки: вишнево-красные, белые и нежнейшего розового цвета, – а вслед за ними пикировали блестящие обрывки зеленых листьев.

Что она натворила? Впрочем, не стоит убиваться: всему свое время.

Насчет количества шпилек она ошиблась: по прикидкам Рипли, их было тысяч десять по меньшей мере, – однако принцип он постиг и теперь извлекал их более сноровисто. Густые блестящие волосы девушки благоухали лавандой с примесью розмарина. Поразительно целомудренный аромат. Он привык к пряным, насыщенным духам, которыми актрисы, куртизанки и самые смелые дамы света обильно приправляли помаду для волос.

Его голова непроизвольно склонялась все ниже, и он едва успел одернуть себя.

Даже в умелых руках процедура занимала много времени: надо было не только вынуть шпильки, но и освободить волосы от запутавшегося флердоранжа и кружевных лент, да так, чтобы не погубить прическу окончательно.

Плохо, если женщина бежит по улицам в свадебном платье, но еще хуже – если просто-волосой: ее могли принять за проститутку или умалишенную. Знатная леди распускает волосы только перед тем как отойти ко сну. Распущенные волосы уличали распущенную женщину, и таковая становилась мишенью для охоты. Разумеется, он не мог допустить, чтобы девица ехала куда-то без него: он ведь шафер жениха, черт подери. И это не так уж обременительно: девушка оказалась весьма забавной, – и Рипли не терпелось подучить ее кое-чему, чтобы свела Эшмонта с ума.

Но как жаль, что он без шляпы!

Самый последний нищий ухитрился сохранять на голове хоть какое-то подобие головного убора, пусть и драного. Вот и неудивительно, что герцог Рипли, ни во что не ставивший принятые в светском обществе правила, на публике без шляпы чувствовал себя неудобно.

Лучше об этом просто забыть и не слишком-то упиваться ароматом, что идет от женских волос, который живо навевал видения сладостного безделья в залитом солнцем саду Тосканы.

Жаль только, что никакой тосканской виллы нет в поле зрения, как нет и кокетливой жгучей брюнетки, готовой на все, – есть лишь нареченная Эшмонта.

И вокруг не Тоскана, а мрачный дождливый Лондон и Рипли сидит не в шезлонге на берегу моря, а в грязной наемной карете, которая тащится к Баттерси-бридж, и выполняет обязанности служанки знатной дамы.

Это новый для него опыт, и, что весьма неожиданно, вовсе не раздражающий.

Ему удалось разобрать свадебное сооружение на голове леди почти без проблем, но тут выяснилось, что косы-то были ее собственные. Теперь те локоны, что были уложены по бокам, распустились, и вскоре вся масса волос начала мало-помалу спадать вниз. Он схватил с ее протянутой ладони несколько шпилек и торопливо подколол свисавшие пряди: не очень элегантно, но лишь бы вверх! – потом бросил веночек с прицепленной к нему фатой ей на колени и, наконец, выпрямился.

Разглядывая массу кружев и флердоранжа у себя на коленях, она задумчиво проговорила:

– Это ведь блонды, очень дорогое кружево. За них можно было бы кое-что выручить в ломбарде: вполне хватило бы, чтобы заплатить лодочнику!

– Я не собираюсь нести вашу свадебную фату в ломбард, – предупредил Рипли.

– А я разве просила? Сама в состоянии...

– Вчера, возможно, вы бы и могли, – возразил он, – но сегодня – нет: вы нетрезвы, к тому же в подвенечном платье. Если попытаетесь ступить хоть шаг без меня, на вас нападут, и что бы с вами ни случилось, виноват буду я. А это значит только одно: дуэль. Только мне они чертовски надоели, уж поверьте!

Леди открыла было рот – несомненно, намереваясь поспорить, но, видно, передумала и опять уставилась на то, что осталось от венка.

– Вам хватит денег? Надо заплатить кучеру, а потом еще лодочнику, – встревожилась леди. – Да, конечно, вы герцог, но ведь джентльмены редко носят с собой кучу денег.

Он некоторое время разглядывал ее: грязное пятно на носу, стекла очков, затуманенные слезами или дождем, и странная прическа, которую он соорудил из ее волос. После того как закончились злосчастные дни его детства, ни одна женщина не сомневалась, хватит ли у него денег на что бы то ни было. И это было довольно трогательно, только не его это дело – умиляться. Его долг – направить события в правильное русло. Что может быть проще...

Доставить девицу к тетке, заставить Эшмонта броситься за ней вдогонку и убедить всех, что это всего-навсего привычный для «их бесчестий» розыгрыш.

– Так вышло, что я прихватил наличность: на чаевые, взятки и всякую всячину, – успокоил ее Рипли. – Эшмонт, понятное дело, слишком волновался перед женитьбой, чтобы думать о столь прозаических вещах.

– Волновался, – повторила Олимпия. – Вот как вы это называете? Я бы сказала, что он был в стельку пьян, когда вы втроем ввалились в библиотеку.

– Кто бы говорил, – съязвил Рипли.

Кеб остановился, громыхая колесами и сотрясаясь, как это было уже бесчисленное количество раз на протяжении этого бесконечного путешествия. Рипли выглянул в окошко. Царапины на стекле и грязевые потоки милосердно скрывали окружающее, которое могло оказаться каким угодно. Пришлось опустить окно. Дождь перешел в премерзкую морось.

Кучер возвестил:

– Баттерси-бридж, ваша светлость!

– Мы еще можем повернуть назад, – сказал девушке Рипли.

– Нет! – резко ответила та.

Глава 3

Голоса, которые слышали в саду леди Олимпия и герцог Рипли, принадлежали братьям девушки, причем задачей младших было воспрепятствовать старшему.

Когда лорд Ладфорд выбежал из детской, Кларенс крикнул:

– Быстрее, Дрю! Останови его!

Эндрю выбежал из классной и бросился к лестнице. Кларенс едва поспевал за старшим братом и вопил что есть сил:

– Оставь ее в покое, злодей! Пусть бежит.

Он был несправедлив к Ладфорду: никакой он не злодей, просто старший брат. И не счесть, сколько раз бедняга брал на себя вину и даже терпел наказание за проделки своих юных родственников.

Когда Ладфорд обернулся и гневно воззрился на Кларенса, Эндрю улучил момент и пулей вылетел на лестницу, опередив всех, сбегал вниз, нырнул в коридор, выскочил в дверь и помчался к черному ходу этого старинного дома. Ладфорд, призывая на голову брата всевозможные кары, бросился за ним.

Кларенс, который преследовал Ладфорда по главной лестнице, сумел обогнать его на втором этаже, прежде чем припустить в сторону коридора для слуг. Ладфорд, не желая привлекать к себе внимание гостей, что столпились в дверях гостиной, и давать пищу для злых языков, которые и без того уже работали вовсю, также выбрал тайный путь и последовал за младшим братом.

По пути на первый этаж они встретили нескольких слуг, но никто особенно не удивился: все в доме привыкли, что резвые мальчишки вечно путаются у них под ногами.

К тому времени как Ладфорд достиг сада, Эндрю был далеко впереди, да и Кларенс не особенно отставал.

– Берегись, Олимпия! – закричал Эндрю. – Гончие взяли твой след!

Кларенс продолжал орать: все в том же духе, будто за сестрой гнались все черти ада, а не родной старший брат, который всего лишь хотел узнать, что стряслось.

Беда же Ладфорда в данный момент заключалась в том, что Олимпия прочла младшим братьям в их юном возрасте слишком много книг о романтических приключениях. Теперь же они читали их по собственному почину, набивая себе головы бреднями про подвиги, от которых стынет в жилах кровь, и про битвы не на жизнь, а на смерть, среди галантных рыцарей, викингов, разбойников, пиратов и им подобных героев.

Через некоторое время до Ладфорда дошло, что братья водят его кругами. Ему давненько не доводилось бывать в саду у Ньюлендов, а вот мальчишки бегали здесь на свободе каждый раз, когда семейство наезжало с визитами.

К тому времени как он добежал до задней калитки сада, младшие уже были тут и, вцепившись в прутья узорной кованой решетки, выглядывали на улицу. Направив взгляд туда же, Ладфорд не увидел ни сестры, ни Рипли и, пробормотав пару страшных проклятий в адрес младших братьев и не заботясь о сохранности надетой по случаю свадьбы нарядной одежды, перелез через ограду и со всех ног помчался по Хортон-стрит.

* * *

– Только не паролод! – возразил Рипли. – Сейчас там столпотворение: пассажиры толкаются и ругаются, пытаются занять место на борту, и им не до нас, но устроившись поудобнее, захотят развлечений, и мы им устроим представление. Вы будете в главной роли.

Схватив леди Олимпию за руку, он повлек ее туда, где возле ступеней Баттерси-бридж дожидались лодочники.

Некогда безупречный узел шейного платка и отлично крахмаленные манжеты сорочки теперь размякли и обвисли. Вымокшие под дождем сюртук и брюки украшали пятна всех цветов. Туфли, совершенно не предназначенные для бега по грязным улицам, были все заляпаны, потерты и поцарапаны.

Тем не менее он оставался герцогом, и неважно, что подумали бы зеваки... хотя было омерзительно сознавать, что он без шляпы.

Но Олимпия – совсем другое дело: помимо вымокшего под дождем подвенечного платья, в пятнах от травы и грязи, заляпанных туфелек и превратившейся в тряпку свадебной фаты, которую она несла, перекинув через руку, у нее была с непокрыта голова! Мокрые волосы, невзирая на помаду, превратились в неуправляемую массу локонов и стоявших торчком прядей. Не улучшали положение и очки самого академического вида, сидевшие на переносице, в сочетании с трагически погибшим свадебным платьем.

– Разумеется. – Она поправила очки, хотя это приспособление, насколько он мог судить, сидело безупречно. – А так мы повеселим только этих мастеров весла. Можно им сказать, что мы ехали на свадьбу, но на нас напали грабители.

– Ничего мы им не скажем! – отрезал Рипли. – Их дело перевезти нас туда, куда скажем, а наше – заплатить за проезд.

Он оглядел выстроившиеся вдоль берега суда и остановил свой выбор на четырехвесельном ялике, хозяин которого натянул сверху тент, чтобы можно было укрыться от дождя.

– Но что, если за нами погоня? – спросила Олимпия, когда он вел ее к ялику. – Нельзя ли заручиться поддержкой лодочника? Тогда он, наверное, нас не выдаст.

– Я давно обнаружил, что деньги красноречивее любых слов, – ответил Рипли.

Сплетни его не волновали: их видело пол-Лондона – Олимпию вообще невозможно не заметить, – так что судачить непременно начнут, однако Рипли надеялся исправить положение, если девушку благополучно доставить в Твикенем еще до наступления ночи.

Нет, это было посложнее банального розыгрыша. Как он может за всем уследить? И главная беда – Эшмонт. Насколько Рипли знал своего приятеля, в его духе было продолжать напииваться. А может, этот разгильдяй уже допился до бесчувствия. Таким образом повышались шансы на то, что по следам сбежавшей пустятся ее же родственники, что будет уже совсем не забавно.

Рипли не улыбалось выслушивать кучу обвинений и требований объясниться, не видел он и резона оправдываться перед кем бы то ни было, в том числе и перед самим собой.

Они подошли к ялику, возле которого дежурили гребцы. Благодаря наличным золотым и герцогской манере, которая не располагала ни к расспросам, ни к сомнениям, Рипли уладил дело очень быстро.

Оставалось только посадить девицу в лодку.

Задача не представлялась особенно трудной. У пассажирских лодок наличествовал длинный узкий нос, по которому пассажиры могли перейти на судно, не замочив ног.

Рипли выбрал просторное судно, на котором свободно размещались несколько пассажиров и гребцы – ребята самые крепкие и надежные с виду из всей той братии, что дожидалась клиентов.

Уставившись на лодку, Олимпия спросила:

– Это что такое?

– Баржа лорд-мэра, по несчастному стечению обстоятельств, сегодня занята, – сказал Рипли. – Моя яхта стоит в Уортинге, как мне сообщали в последний раз. А это ялик.

С интересом наблюдавшие за ними гребцы молчали, что свидетельствовало об одном: им заплатили достаточно, чтобы обеспечить и молчание, и максимальную скорость, – поскольку лодочки на Темзе деликатностью не отличались.

– Уж больно низкая у него осадка, – с сомнением заметила леди.

– Их специально такими делают, – пояснил Рипли. – Для устойчивости и... неважно. Могу объяснить вам принципы судостроения позже. Просто давайте в него сядем, хорошо? И постарайтесь не упасть, пока не опуститесь на скамью. Но даже если упадете, то не утонете – здесь слишком мелко, – однако кому-то придется вас вылавливать. Сомневаюсь, что могу вымокнуть еще больше, но лезть в эту сточную канаву мне не хочется.

Разумеется, он полезет, если понадобится: не позволять же этим мужланам хватать леди своими ручищами.

– У меня кружится голова, – пожаловалась Олимпия.

– Так можно еще вернуться и лечь в уютную постельку.

– Нет, ни за что!

– Уверены?

Если она колеблется, он отвезет ее назад, скажет, что это одна из знаменитых шуток «их бесчестий», и на том приключение закончится. Нет, конечно, будет не так весело, как если бы Эшмонт бросился за ней в Твикенем, но даже Рипли не пал бы столь низко, чтобы дать ей по голове, выбив дух ради более изощренной забавы.

– Сейчас это было бы полной глупостью, – добавила она.

– Правильно, – согласился он. – Несомненно, как и ваше пребывание здесь, а не, скажем, на свадебном завтраке. Не кажется ли вам, что данное положение – я лишь предполагаю – может шокировать своим безрассудством?

Она воззрилась на него.

– Вы так думаете? А вас не шокирует, что вы сейчас здесь, со мной?

– Это как раз соответствует тому, как должно быть, – ответил Рипли.

– Как это? – не поняла Олимпия.

– Разве вы сами не признались, прекрасная дама в беде? Стало быть, я ваш рыцарь в сияющих доспехах.

Ее брови поползли вверх, а он добавил:

– Вот в чем разница.

– Я бы так не сказала, – возразила девушка. – В вашем случае это скорее... – В ее глазах блеснули веселые огоньки. – Катастрофа.

– Вы собираетесь садиться в ялик, или мне сделать то, что мог бы сделать другой – очень голодный и менее галантный, – а именно сбросить вас с моста? – спросил Рипли.

Олимпия посмотрела на деревянный мост, который стоял, попирая законы физики, не говоря уже об эстетике, уже лет шестьдесят. Он был выстроен под неудобным к течению реки углом и мог похвастать восемнадцатью быками, который буквально напоздали друг на друга. Суда то и дело в них врезались. Злые языки утверждали, что Баттерси-бридж построили для удобства тех, кому нужно было перейти на другой берег, но вовсе не для судов, которые под ним проплывали.

Единственным мостом на Темзе, который мог бы поспорить с ним по несуразности и уродству, был его брат в Патни, чуть выше по течению.

– Или мы просто можем подождать здесь, – предложил Рипли. – Эшмонт протрезвеет, явится сюда и спасет вас от меня.

Рипли обернулся на толпу, которая ожидала посадки на пароход: никаких признаков погони, – однако время-то шло. Долго ли они ехали в кебе? Эшмонт, верхом или в собственном экипаже, проделает этот путь гораздо быстрее, если (1) находился в сознании, (2) мог сложить два и два и (3) пришел к совершенно очевидному выводу.

Другими словами, вероятность не особенно велика.

Вновь взглянув на беглянку, Рипли обнаружил, что она за ним наблюдает. Сейчас ее глаза казались голубыми.

– Нет, – повторила девушка. – Жребий брошен. Сегодня я замуж не выйду, и точка.

Очень хорошо. Назад не возвращаемся. Отлично. По крайней мере, можно поразвлечься.

– Не поможете сесть в лодку? – попросила Олимпия. – Или желаете посмотреть, как я свалюсь в воду?

– Это было бы незабываемое зрелище, – сказал Рипли. – Только беда в том, что это позабавит также лодочников и прочих зевак, а мы и без того привлекли к себе достаточно внимания.

– Мне кажется, в этом как раз и состоит смысл вашей жизни, – заметила Олимпия. – Привлекать к себе внимание. Или это выходит случайно? Поскольку если это не так и вы все обдумали... – Ее брови сошлись на переносице. – Неважно. Лучше даже не пытаться угадать, что творится у вас в голове. В любом случае мне трудно думать, потому что трудно. Это дилемма?

– Так и не надо гадать, не надо думать – все просто!

– Это многое объясняет в поведении некоторых джентльменов, которых лучше не называть по имени. Виной всему бренди...

– Садитесь в ялик, – сказал Рипли и, сжав ее локоть, повел девушку в лодку.

Пройти по носу оказалось задачей несложной, а вот дальше началось: леди то и дело спотыкалась и ругалась как сапожник, хоть и по-французски. Кружевной тюль развевался как паруса, а ноги герцога путались в юбках. Пару раз невеста сваливалась в его объятия, и тогда приходилось чертовски постараться, чтобы самому не упасть за борт, но ему все же удалось, в конце концов, усадить леди на скамью под уродливым навесом.

Похоже, лодка использовалась еще и для рыбалки – во всяком случае, на дне было полно хлама, выловленного в реке, и вонь стояла еще та. Рипли тонул в юбках девушки, а налетевший ветер поднял вверх фату и бросил ему на голову. Он схватил облако кружев, чтобы стащить с лица, как раз в тот момент, когда Олимпия потянула фату к себе, и пальцы их соприкоснулись.

Она вздрогнула и, смутившись, отвернулась и стала смотреть в воду.

А он не мог забыть те моменты, когда она падала в его объятия и вырывалась во время посадки в ялик, и аромат ее волос.

Ах, что за напрасные мысли!

Как только он уладит это дело, сразу же найдет себе веселую вдовушку или девицу легкого поведения и утолит свою похоть.

Рипли сосредоточился на мысли о шляпе.

Ах как жаль, что он без шляпы! Интересно, где бы раздобыть нечто хоть отдаленно подходящее!

Ялик наконец отчалил, и речной ветерок умчал прочь досадные мысли, которые терзали его ум. В этот миг – что не очень-то его удивило – герцог Рипли не испытал ничего, кроме облегчения.

Ньюленд-хаус

Лорд Ладфорд обнаружил герцога Эшмонта в обеденном зале, с головой, опущенной в большую миску, и герцог Блэквуд поливал его водой.

– Холодно, черт побери! – дрожащим голосом буркнул Эшмонт.

Блэквуд замер, но Эшмонт велел:

– Лей-лей. Мне нужно, чтобы в голове прояснилось.

– Если это ради свадьбы, то не трудитесь, – заметил Ладфорд. – Потому что ее, похоже, не будет: Олимпия сбежала с вашим приятелем.

Светловолосая голова Эшмонта внезапно вскинулась, обдав водой Блэквуда. Тот спокойно отступил назад, но выругался так, что позавидовал бы извозчик.

– Какого черта ты бормочешь? – взревел Эшмонт.

– Она дала деру, и Рипли исчез вместе с ней. Они сели в кеб на Хай-стрит, но куда направились, никто не мог сообщить.

Наемные экипажи имели обыкновение ездить окольными путями, чтобы избежать забитых транспортом дорог. Не зная точных указаний, которые Рипли дал кучеру, определить, в каком направлении они поехали, было невозможно.

– Я подумал, что вы можете знать, куда именно они могли бы поехать, – сказал Ладфорд. – Или что мог затеять ваш приятель.

Оба герцога уставились на него, потом переглянулись. В этот момент в комнату неторопливо вошел высокий светловолосый джентльмен средних лет. Тонкие, приятные черты лица выдавали в нем члена семьи Бекингем.

– Дядя Фред, – обратился к нему Эшмонт, – произошло довольно смешное событие.

Лорд Фредерик Бекингем вскинул бровь.

– Похоже на то, иначе сейчас ты был бы уже женат.

Ладфорд рассказал, что ему удалось увидеть, и лорд Фредерик взглянул на племянника:

– Надеюсь, это не одна из твоих шуточек?

– Не моя. Рипли.

– Очевидно, – подал голос Блэквуд. – Но я как раз хотел сказать Ладфорду, что беспокоиться не стоит: далеко они не убегут, ровно на то расстояние, чтобы вышел скандал.

– Правда? – изумился лорд Фредерик. – Должен признать, что не понимаю, как на это согласилась Олимпия.

– А почему бы нет? – сказал Ладфорд. – Она считает всю вашу троицу никуда не годными болванами.

– Но про меня-то она наверняка так не думает, – возразил Эшмонт. – Ведь она сказала «да», не так ли? Значит, я кое-чего все-таки стою.

– По твоим словам, – хмыкнул лорд Фредерик.

– Но ведь она сбежала, – стоял на своем Ладфорд.

– Она не убегала, – заявил Эшмонт. – Рипли же вместе с ней. Наверняка убедил ее поучаствовать в розыгрыше, вот и все.

– Мне казалось, что это вы вдохновитель розыгрышей, – заметил Ладфорд.

– Не всегда, – возразил Блэквуд. – Некоторые особо удачные придумывал Рипли. Вопрос в том – как это весьма деликатно сформулировал Ладфорд, – куда Рипли мог ее отвезти. Это должно быть где-то неподалеку. Он же не захочет, чтобы возникли... гм... осложнения.

– Я его убью, если он погубит репутацию сестры! – заявил Ладфорд. – Вот это будет осложнение что надо.

– Вам придется встать в очередь за Эшмонтом, – заметил Блэквуд.

– Ты чертовски прав! – согласился герцог. – Я проделал всю работу: ухаживал и все такое, – мне и предназначается невеста. Вот ведь подлый негодяй! Изображал из себя... я-то еще попросил его приглядеть, чтобы все шло, как надо!

– Вовсе ты не просил, – возразил Блэквуд. – Распорядился, и все.

– Да какая разница! – вспыхнул Эшмонт и вдруг нахмурился. – Ну ладно, не просил. Но если он не хотел, так бы и сказал, вместо того чтобы умыкать мою невесту.

– Я могу вообразить себе все что угодно, – заметил лорд Фредерик, – но только не Рипли в роли похитителя леди Олимпии.

– Если он решил ее похитить, зачем тогда бежал за ней через весь сад? – спросил Ладфорд. – Она ведь убегала. Мог бы просто перекинуть через плечо, и вся недолга.

Четко очерченные брови Эшмонта сошлись на переносице.

– Признаюсь, меня это ставит в тупик.

– Да уж, – согласился с ним лорд Фредерик. – Однако вместо того, чтобы ломать голову над загадками, я бы на твоём месте поспешил вернуть её обратно.

– Но что мы скажем сейчас моим родителям и приглашённым на свадьбу гостям? – сокрушённо покачал головой Ладфорд.

– Я попытаюсь все уладить, – пообещал лорд Фредерик. – Скажу, что так и задумано, что Эшмонт все держит под контролем и вскоре во всем разберётся. Гостям мы скажем, что леди Олимпия внезапно почувствовала себя нехорошо. Но теперь, с вашего позволения, я бы перекинулся парой слов с племянником.

Когда все удалились, лорд Фредерик прошипел:

– Что ты натворил?

– Да ничего такого, черт возьми! Не представляю, отчего она сделала ноги. Если конечно, сделала, если это не Рипли затеял один из своих розыгрышей.

– Я тебе говорил...

– Ничего не надо было говорить, дядя. Я когда её увидел, сразу сказал себе: прекрасная девушка! Именно такая, какая мне нужна. И никакие ваши нелестные замечания или предсказания грядущих несчастий меня не остановят.

– Жаль, что мои слова не заставили тебя пересмотреть своё поведение.

– Я ничего такого не делал! – воскликнул Эшмонт.

– Остается надеяться, что это дело не стоит и выеденного яйца, как ты утверждаешь. Поскольку, если ты упустишь эту девушку, Люциус, у тебя, вероятно, не будет другого шанса, – сказал лорд Фредерик. – Может, сейчас ты этого не понимаешь, однако пройдут недели, месяцы, годы – и ты будешь кусать локти.

– Я намерен её вернуть! Но чем дольше я торчу тут с тобой и выслушиваю нотации, тем дальше она удирает.

– С Рипли.

– С ним она в безопасности.

– Надеюсь, ради тебя.

– Он мой друг, – сказал Эшмонт. – Рипли подлый негодяй, как и все мы, но он мой друг, и мы очень скоро во всем разберёмся. Ещё и посмеёмся, вот увидите.

К тому времени как ялик отчалил от Баттерси-бридж, морось сменилась туманом. Берега тонули в мягкой дымке, и кто-нибудь другой, не Рипли, мог бы сказать, что так они выглядят гораздо романтичнее. Лондон, казалось, таял и терял очертания, и здания, вроде бы знакомые, маячили в тумане таинственными силуэтами. Впрочем, тайна, возможно, заключалась в том, что туманная вуаль сделала их менее грязными, как обычно, но его зоркому глазу не составило труда разглядеть оборванных мальчишек, которые бродили по илистому прибрежному мелководью, вылавливая из воды всякий хлам.

Что касается бедности и грязи, Лондон не отличался от любого другого большого города, и он очень по нему соскучился. У него почти не было времени, чтобы прогуляться по его улицам, и вот теперь он опять бежит, и опять по воде.

Однако в данный момент это было совсем не плохо. Во-первых, день свадьбы Эшмонта вышел не таким скучным, как предполагал Рипли. Во-вторых, в его руках оказалась невеста, которую он и не думал похищать, но похитил, организовав себе приключение. И они плыли по реке, оставив всех далеко-далеко.

Ему только и осталось, что благополучно доставить её в Твикенем. По воде это два-три часа. По суше путь короче, но времени займет больше из-за запруженных дорог.

– Вон церковь Баттерси! – воскликнула Олимпия. – Из лодки все выглядит по-другому. Я плавала по реке только на пароходе или на яхте, но если сидишь так близко к воде, гораздо лучше.

Будто в ответ на ее слова, мимо с пыхтением прошел речной пароход, подняв волну. Рипли протянул руку, чтобы помочь девушке удержать равновесие, и в этот момент особенно высокая волна ударила о борт, едва не перевернув ялик. Адресовав пароходу проклятие, он выпрямился и схватил девушку за плечо, но это оказалось вовсе не плечо, а буф внутри рукава.

Она, кажется, даже не обратила на это внимания. Олимпия сидела, крепко вцепившись в борта ялика, и лицо у нее было белым, как подвенечное платье.

К тому времени как ялик выправился, герцог тоже смог более-менее перевести дух, хотя сердце по-прежнему тревожно стучало. Если бы девица упала за борт...

Но, слава богу, не упала. Никто никуда не упал.

– Да уж, скучным это путешествие по крайней мере не назовешь, – заметил Рипли.

– Совсем другое дело, когда лодка так низко сидит в воде, – дрожащим голосом пролепетала Олимпия.

– Не сидите так близко к борту, – посоветовал Рипли. – И не вздумайте страдать морской болезнью.

Олимпия подняла голову и взглянула на него. Сейчас ее глаза казались серыми.

– Интересно, почему до этого еще никто не додумался? Просто взять и приказать. Уверена, это отличный метод против морской болезни, – проговорила она спокойно, обеими руками вцепившись в борт.

– Я все понял! – воскликнул Рипли. – Я-то все удивлялся, что нашло на Эшмонта, но теперь мне ясно. Ему очень повезло: нашел именно то, что ему нужно.

Румянец вернулся на ее побледневшее лицо.

– Только вот меня это совершенно не волнует. Вопрос в другом: тот ли он, кто нужен мне?

– Он герцог, – сказал Рипли. – Этого достаточно для любой женщины.

Один за другим она разжала пальцы, сжимавшие борт ялика, и призналась:

– Я повторяла эти слова раз, наверное, сто. Только вот это заклинание несколько не помогло справиться с нервами.

– Надо было выпить еще, – твердо сказал Рипли. – Это бы помогло. Вы дошли лишь до стадии, когда тянет на подвиги. Еще бы чуть-чуть, и вы стали бы всем довольны и на все согласны. Что до стадии пьяного раскаяния...

– Не знала, что опьянение имеет стадии, – заметила леди.

– Тогда послушайте опытного человека. Если вас начнет тошнить, то будьте любезны, за борт, только держитесь крепче: а то вывалитесь и в этом платье наверняка утонете. И мне придется объясняться, долго и нудно, вместо того чтобы спасти положение с помощью моего простого, но хитрого плана.

– У вас есть какой-то план?

– И не один. Например, отвлекающий маневр – в Портсмут, а оттуда по морю.

– Да это отличный план! – воскликнула Олимпия.

– Но я подумал-подумал и отверг его. Ведь я совсем недавно вернулся из-за границы и еще не успел забыть, какие зануды иностранцы.

– А я бы не против познакомиться с кем-нибудь из иностранцев, – сказала Олимпия. – Больше ничего и не надо.

– Тогда выходите за Эшмонта, и пусть везет вас за границу.

Рипли тут же представил, как она поднимается по ступенькам сада Боболи во Флоренции и любуется панорамой города. Интересно, какой цвет приобрели бы ее переменчивые глаза, когда леди впервые в жизни увидела бы дворцы вдоль венецианских каналов? Внутренним

взором он уже видел ее в гондоле, в волнующей обстановке элегантной каюты, в окружении подушек... Нет, лучше не воображать, чем можно было бы заняться в этой крошечной каютке.

– Я уже думала об этом. Взвесила все «за» и «против». Библиотека в его доме в Ноттингемшире, должна признаться, важный пункт в моих расчетах. А если я что-то упускала, то тетя Лавиния была счастлива заполнить пробелы. У меня будет все, что только можно пожелать, говорила она. Хотя, думаю, зависит от того, чего именно желать. И я не совсем понимаю, как он умудрился не оказаться по уши в долгах и закладных бумагах. Но не сомневайтесь: уж папа и дядя Генри изучили вопрос досконально! То есть дядя Генри изучил. Если честно, папа ничего не понимает в цифрах, если это не ставки на скачках. Эшмонт не растратил наследство, а преумножил. – Олимпия приложила ладонь ко лбу и вздохнула. – Все подумают, что я спятила.

Общество, насколько Рипли разбирался в его нравах, возложит вину на Эшмонта. Да он и сам так считал. Герцог, богатый, весьма привлекательный и обаятельный. Ему не приходилось набивать шишки, чтобы кому-то понравиться. Он должен был вскружить девице голову так, чтобы не чуяла под собою ног от счастья, чтобы сходила с ума от радости в день свадьбы, а не топила тревогу в бренди.

Идиот.

– Никак передумали? – спросил Рипли. – Можем повернуть назад, и очень скоро будем в Ньюленд-хаусе!

– Нет, Рубикон перейден, да и мы уже забрались далеко. – Она ткнула дрожащим пальцем в пространство. – Вон мост Патни. Я бы узнала его из тысячи.

– Да, там есть отличное... – Он оборвал себя на полуслове: его не было в Англии больше года – мало ли что. – Тут ведь не случалось землетрясений в последнее время? – спросил он у лодочников.

– Нет, ваша светлость, – ответил один из них, а второй уставился на него как на умалишенного.

– В таком случае могу ли я предположить, что «Белый лев» в Патни по-прежнему стоит на своем месте? – спросил Рипли.

– Чего ему сделается, – ответил тот, что был разговорчивее.

– Мы остановимся в Патни и пообедаем в «Белом льве», – решил Рипли.

Значит, им придется пойти на главную улицу; времени это займет больше, чем если бы они пообедали в портовой таверне, но джентльмены не водят дам по тавернам.

Оба гребца согласно кивнули и повели ялик к берегу.

– Остановимся в Патни? – встревожилась Олимпия. – Если вы намерены совращать невинных гостиничных горничных, то у нас нет на это времени. Мне казалось, вы торопитесь от меня отделаться.

– Не думаете же вы, что я готов проделать весь длинный путь до Твикенема на голодный желудок, – парировал Рипли.

– Может, вы останетесь тут, а я поеду дальше? – предложила она. – Сегодня я что-то не расположена совращать уважаемых хозяев гостиниц. И нужно же мне чем-то заниматься, пока вы будете волочиться за горничными.

– Нам необходимо что-то съесть, – твердо сказал Рипли. – Обоим. Впрочем, если не хотите, можете просто смотреть, как я буду есть.

– Я думала, вы торопитесь.

– Это же не обед в Виндзорском замке, так что много времени не займет. Поверьте моему опыту: вам лучше поесть, – иначе может разболеться голова.

Олимпия не помнила, когда ела в последний раз, да и вообще мало что могла припомнить: все смешалось в ее голове, и мир вокруг тоже был не тот, что прежде.

Предложение герцога не лишено смысла, решила она. Если не кормить тело, ослабнет и ум. Кроме того – хотя не призналась бы в этом Рипли, хоть посули он ей алмазную диадему, – она все-таки пьяна, и это единственное объяснение, отчего в ее голове полный сумбур.

Олимпия всегда считала, что у нее здравый, практичный ум: практичный до занудства, как говорили некоторые, точнее – все, но сейчас там царили непрактичность и полная неразбериха.

Да, надо поесть. Это ведь недолго. Зато они продолжают путь сытые и отдохнувшие, и она сможет обдумать следующий шаг, да и вообще пораскинуть мозгами.

– Сандвич, пожалуй, я бы съела сандвич, – призналась Олимпия. – Там подают сандвичи?

– Я герцог.

– Наверняка у них найдется хоть один, – сказала она.

А если нет, можно достать сандвичи где-нибудь в другом месте. Хорошо быть герцогом, особенно таким внушительным.

Нет, она-то с ним не робела. Он один из «их бесчестий», то есть совершенно беспринципный, но зато наделенный властью, к тому же мужчина. Даже в ялике, рассчитанном на несколько человек, он занял собой все доступное пространство. Он сидел, скрестив вытянутые перед собой ноги, будто возлежал на мягком диване в турецком серале. Воображение тут же нарисовало ей картину: Рипли в свободной тунике и шароварах, – а в голове всплыли слова матери о первой брачной ночи. Шокирующее откровение.

Однажды она сбежала из дому с кем-то из братьев и увидела, как жеребец взобрался на кобылу. Похоже, той было неудобно, но жеребец трудился что есть сил. У людей, разумеется, все совсем иначе...

...Она вовсе не хотела думать ни о чем таком рядом с этим огромным, не очень-то похожим на джентльмена мужчиной... Или... Право же, очень хочется есть!

Гребцы причалили к пирсу и принялись складывать весла. Олимпия от нетерпения едва не выпрыгнула из лодки, но Рипли крепко взял ее за локоть. Не больно, не применяя силу, и все равно легкого захвата хватило, чтобы пригвоздить ее к скамье.

Она не знала, как ему это удалось, но подозревала, что будучи герцогом, этот человек привык к подчинению.

– Пусть сначала выйдут гребцы и закрепят ялик.

Олимпия готова была ждать сколько угодно, пока эта сильная ладонь сжимает ее предплечье. Тем временем гребцы не спеша выбрались из лодки, а потом, поворачиваясь так же неспешно, ухватились за узкий нос, чтобы придать ялику устойчивости.

– Вот теперь можно, – сказал Рипли, отпуская ее руку. – Только не спешите.

– Лодка ведь на суше, – удивилась она. – Точнее, на мокрой земле.

– Не целиком, – возразил Рипли. – Нос...

– Да-да, я вижу. – Она торопливо подхватила свою фату, встала и сделала шаг вперед, и тут лодка покачнулась.

– Осторожно! – предупредил Рипли.

Она обернулась.

– Я не могу приказать лодке не качаться! Как вы сами заметили, она наполовину в воде, а вода...

– Держитесь центра!

– Я и так в центре.

Раздраженно фыркнув, она повернулась к нему спиной и стала пробираться вперед, когда он крикнул:

– Нет!

Ялик резко качнулся. Олимпия взмахнула руками, пытаясь устоять на ногах. С предостерегающим криком Рипли бросился к ней, протянул вперед руку, и она попыталась ее схватить,

но не хватило самой малости. С шумным всплеском Олимпия свалилась за борт, в грязную воду.

Ругаясь на чем свет стоит, Рипли выскочил из ялика, оттолкнув лодочников, которые уже спешили к ней на помощь, и, с трудом переставляя ноги в жидкой грязи, подошел к ней. Олимпия сидела в мутной жиже, где ему было по колено.

– Непременно надо было свалиться за борт!

– Я же не нарочно! – Олимпия попыталась встать, но не удержалась на ногах и лишь сильнее увязла в скользком иле.

– Я же вас предупредил!..

– Не надо было со мной говорить так, будто у меня вообще нет мозгов: это безумно раздражает. Нет-нет, не утруждайтесь, – запротестовала Олимпия, когда он протянул ей руку. – Я прекрасно выберусь без посторонней помощи. Тут совсем мелко.

На берегу тем временем собирались зрители. Еще немного – и толпа зевак хлынет из всех близлежащих таверн.

– Хватайтесь за руку, – приказал Рипли.

– Я могу опереться о лодку, – возразила она.

Поймав ее руку, он стал тянуть девицу на себя, но она тут же вырвалась, потянув за собой и его, и теперь они оба барахтались в грязи. С берега доносился смех. Он взглянул на Олимпию и сам едва не расхохотался. Чертова фата висела бесформенным комом у нее на руке, прическа, которую он ей соорудил, уверенно съезжала вниз, лицо было заляпано грязью, а очки сползли на кончик носа.

В общем, зрелище еще то.

Проклиная все на свете, Рипли поднялся, стараясь удержаться на скользком дне, ухватил Олимпию подмышки – в который уже раз за сегодняшний день – и рывком поставил на ноги. Едва очутившись в вертикальном положении, она попыталась его оттолкнуть и опять свалилась в воду. На сей раз ему пришлось обхватить ее крепче, чтобы не вырвалась.

– Если хотите утонуть, было бы куда разумнее и проще спрыгнуть с моста, чтобы наверняка, а не на берегу, – посоветовал герцог строптивой спутнице.

Она толкнула его в грудь.

– Оставьте меня в покое и дайте, наконец, пройти.

Она была мокрая, грязная, и несло от нее рекой, но все эти неприятности меркли перед ощущением прижимавшегося к нему всеми своими изгибами гибкого податливого тела. Его мозг заработал так, как и полагается в подобных обстоятельствах: воззвал к силе более властной в нижней части тела.

«Нет!» – решительно сказал себе Рипли, и этого было вполне достаточно, чтобы активизировать инстинкт самосохранения и вызвать перед мысленным взором картину венчания: Эшмонт и священник в ожидании невесты.

Олимпия – невеста его друга. Он ее выбрал, он ее заслуживает, и она подходит ему идеально.

Девушка барахталась в грязи, и ему пришлось прервать сеанс самобичевания.

На берегу одобритительно завопили и захлопали в ладоши, когда он сгреб ее в охапку – грязную, мокрую, визжащую, – и понес на сушу, не забыв поклониться публике.

– О-о! – воскликнула на это Олимпия. – Вы шут гороховый!

– И это говорит девица, которая на глазах у честного народа плюхнулась самым неподобающим образом в грязь.

Олимпия отнюдь не была невесомой нимфой, которую способен унести даже легкий ветерок, скорее напротив: природа щедро одарила ее женскими прелестями, – однако Рипли, который мог усмирить взбесившегося коня или вытащить приятеля из таверны, борделя,

лодки, кареты, конюшни, проделал эти несколько шагов с трудом. Девушка все время пыталась вырваться, бранилась, как портовый грузчик, осыпала его упреками.

Рипли не слышал, что именно изрыгали уста леди, поскольку должен был держать в узде воображение, чтобы не углубляться в иные ощущения, возникавшие вовсе не в голове.

Надо сосредоточиться на том, что необходимо сделать: доставить строптивицу в Твикенем – желательно живой – и отправить за ней Эшмонта. Вот и все. Проще простого, твердил себе Рипли.

Глава 4

Как и предполагала Олимпия, в «Белом льве» прекрасно знали герцога Рипли. Да и как иначе? Кто вообще в этой стране не знал троицу «их бесчестий»? Их портреты украшали страницы всех газет, в которых имелись колонки светских сплетен, а уж в любимом лондонцами скандальном листке «Утреннее обозрение» они появлялись ежедневно, да еще и в карикатурной форме.

Нечего и думать, поняла Олимпия, что путешествие в его обществе останется в тайне.

Хотя в любом случае это невозможно, если на тебе безнадежно испорченное подвенечное платье и ты выглядишь даже не как Офелия, а скорее как мокрая крыса или пассажирка потерпевшего крушение корабля, с которого эта самая крыса не успела сбежать.

Нечего и думать, поняла Олимпия, что ей удастся заставить «его бесчестие» делать то, чего он не хочет. Придется терпеть и ждать, пока он позволит ей стоять на собственных ногах.

Но, если быть честной, она не сильно опечалилась, когда ее вытащили из воды и понесли к ступенькам мимо зевак, которых, казалось, собралось несколько сотен. Она бы могла пройти с высоко поднятой головой – как-никак дочь графа, – да только вот ноги заплетались бы самым неграциозным образом.

Леди не пристало появляться в гостинице мокрой и грязной, тем более пьяной, а служащие неизбежно пришли бы именно к такому выводу, вздумай она идти самостоятельно, волоча за собой галлоны грязной воды из Темзы.

Впервые со времен младенчества Олимпию нес на руках мужчина, но это вовсе не то, что ощущать руки отца, дяди или дедушки. Она вся трепетала от силы и тепла его тела, и лишь огромным усилием воли сумела не позволить себе уткнуться носом в его плечо.

Должно быть, все дело в бренди. Наверняка. Казалось бы, злосчастное корыто, благодаря которому она оказалась в Темзе, – достаточное средство для приведения в чувство. Оказывается, нет!

Он отпустил ее только в холле гостиницы, но ноги ее все еще дрожали, хотя непонятно почему. Олимпия прислушалась: Рипли потребовал у хозяина гостиницы две отдельные комнаты, разжечь в обеих камин, приготовить горячую ванну и сухую одежду.

Ей понадобилось некоторое время, чтобы уразуметь, что к чему.

– Разжечь камин? В это время года?

– Вы что, хотите получить воспаление легких? – спросил он.

– К тому времени как их разожгут, мы успеем вымыться и переодеться, – возразила она, – если, конечно, найдется во что. Вы уверены, что найдется?

– Как и в том, что разожгут камин, – ответил Рипли.

– Поражаюсь, как это вам удается, – заметила Олимпия, – проделывать такие штуки и до сих пор оставаться в живых.

– Вы первая невеста, которой удалось меня украсть. Разумеется, все думают, будто это сделал я, и пока сложившаяся ситуация отвечает нашим интересам.

– Вашим – не знаю, но не моим, – возразила Олимпия и чуть было не сказала: «Я не из тех, кого похищают», – поскольку это бессмыслица.

И все же, как ни крути, она сбежала с герцогом Рипли – именно так будут говорить сплетники и писать в газетах. А еще появятся сатирические листки на злобу дня, где художники дадут волю воображению. Вот будет сенсация!

Но есть же и плюсы, сказала себе Олимпия. Даже в самых смелых фантазиях не могла она представить, что ее портреты появятся однажды где-нибудь в витринах печатных мастерских. Насколько ей было известно, еще никого не признавали самой занудной девицей сезона столько лет кряду, как ее, леди Олимпию Хайтауэр.

С другой стороны, она поставила семью в неловкое положение: опозорила себя, своих родных. Теперь действительно на ней никто не захочет жениться.

Нет, все, хватит: так можно и с ума сойти. Слишком зыбкая почва под ногами.

Ее размышления прервала горничная, которая явилась, чтобы проводить их в комнаты.

Рипли последовал за леди Олимпией наверх, пытаясь убедить себя, что сцена с вывалившейся из лодки новобрачной – как раз то, что необходимо для хорошего приключения. Впрочем, от леди он такое вряд ли мог ожидать, хотя у него было мало опыта общения с добропорядочными девушками.

К счастью, досадное происшествие случилось в самом начале путешествия, да еще неподалеку от гостиницы, которую он время от времени благодетельствовал своими посещениями. Правда, они с приятелями творили здесь безобразий не меньше, чем везде, но правда и то, что всегда платили за это звонкой монетой и весьма щедро.

В «Белом льве» у Рипли был открыт кредит, и в этом нет ничего необычного для джентльмена, который часто проезжал королевским трактом в поисках развлечений: состязаний по боксу и борьбе, скачек, парусных регат и всевозможных игр, где можно делать ставки. Однако необычным было то, что Рипли отправлял своего агента, чтобы тот оплачивал его счета не раз в квартал, не один-два раза в год или, по установившейся в аристократической среде привычке, вообще никогда, но ежемесячно, так что все его счета оплачивались сполна.

Эта странная привычка действовала умиротворяюще, и Рипли всегда были готовы оказать услугу, вместо того чтобы запирали на засов двери и окна и вывешивать уведомления типа «Уехал на рыбалку» или «Закрывается до особых распоряжений» каждый раз, когда он, по слухам, должен был проезжать мимо. Напротив, все торговцы раскрывали двери пошире и выбегали на улицу, чтобы встретить его с распростертыми объятиями, а иногда и с собственными дочерьми.

Хорошо быть герцогом, но еще лучше – герцогом платежеспособным, так что, как решали проблемы до сих пор деньги, очень скоро решат и эту: Рипли привезет невесту Эшмонта в Твикенем. У него полно времени.

На дворе июнь, а не ноябрь, погода стоит теплая, и воды-то было всего по колено, так что леди не простудится и не схватит воспаление легких.

Рипли увидел дорожку следов, когда она поднималась по лестнице, и его мысли обратились к текущему моменту. Олимпия промокла до нитки. Нижние юбки, должно быть, хоть выжимай, судя по тому, как плотно облегли бедра и ягодицы.

Он вспомнил, какие ощущения испытывал, когда нес ее, как реагировало его собственное тело на соблазнительные формы молодой женщины.

Впрочем, ничего удивительного: Эшмонт не стал бы ухаживать за сушеной селедкой. А поскольку все-таки худо-бедно ухаживал и даже решился вести под венец, все это богатство принадлежит ему. И это правильно. Сомнений нет – эта девушка именно то, что нужно Эшмонту. Леди Олимпия не допустит, чтобы ею помыкали: скорее уж Эшмонт окажется у нее под каблуком, что было бы весьма забавно...

Но думать о том, как забавно могло быть... лучше не думать. Рипли оборвал себя, когда воображение опять увлекло его не в ту сторону.

В данный момент ему нужна, во-первых, горячая ванна, во-вторых – шляпа, хотя бы мало-мальски приличная, а в-третьих – что совершенно логично и естественно после нескольких месяцев воздержания, – фигуристая бабенка без комплексов, которая не принадлежит кому-нибудь из его лучших друзей. Ну а пока его желания не осуществились, никто не может запретить ему смотреть на грязные щиколотки леди Олимпии.

Рипли дождался, пока дама благополучно устроится в своей комнате, на попечении гостиничных горничных Молли и Джейн, которым даны были четкие указания.

Ему пришлось отозвать их в сторонку и объяснить, что у леди выдалось трудное утро и что ее состояние оставляет желать лучшего. Следовательно, они должны быть внимательны

и бдительны, ради благополучия леди пресекать любые ее попытки сбежать через окно или еще как-то помешать планам дальнейшего путешествия. Их задачей было вымыть, высушить, переодеть и накормить леди. Главное – глаз с нее не спускать. Если что-то пойдет не так, уведомить его немедленно. Он будет в соседнем номере.

Обговорив все, что можно, Рипли дождался, пока женщины скроются в соседнем номере, и вызвал к себе хозяйку гостиницы.

– Отправьте кого-нибудь к миссис Торн. С моей спутницей произошла неприятность, и ей нужна новая одежда, прямо сегодня. Но имейте в виду: она леди. Мы не можем терять ни минуты.

Хозяйка гостиницы бросилась выполнять поручение, а Рипли, прислонившись спиной к дверному косяку, сложил руки на груди. Еще один фокус, который он постиг на собственном опыте. Приказы выполнялись гораздо быстрее, если исходили от джентльмена внушительного вида.

Слуги торопливо внесли в номер ведра с углем и хворост для растопки. За ними прибежали другие, с кувшинами горячей воды. Рипли выжидал. Время шло. С одежды уже перестало капать, и теперь она просто липла к телу, как вторая кожа.

Он вышел на галерею, откуда можно было видеть двор гостиницы, облокотился о подоконник и стал наблюдать за суетой внизу. Сырой воздух мало способствовал высыханию одежды, и Рипли уже начинал терять терпение от ожидания, когда во дворе наконец появились три женщины. Самая элегантная из них подняла голову, и Рипли кивнул ей.

Женщина в сопровождении двух других, нагруженных огромными свертками, направилась к лестнице, и только тогда Рипли открыл дверь в свой номер.

В большой комнате, которую отвели Олимпии, в камине жарко горел огонь. И это в июне месяце!

Не успели еще языки пламени весело заплескаться на угольях, как прибыли два необъятных размеров кувшина с горячей водой, а вместе с ними, хоть в гостинице «Белый лев» царил суета, две служанки, чтобы помочь одной знатной даме привести себя в порядок.

Другие слуги – их было много: одни служили в «Белом льве», другие, весьма вероятно, в соседних гостиницах, – носились туда-сюда, выполняя прихоти его светлости.

Действительно, хорошо быть герцогом! Или, если быть точным – а Олимпия, в своем нормальном состоянии, очень любила точность, – коли уж вам непременно надо было рухнуть в реку в подвенечном наряде, хорошо бы, чтобы произошло это в обществе герцога.

Она костерилась на чем свет стоит за то, что упала с лодки, за то, что позволила себе испугаться и смутиться перед его напором.

Ей не следовало с ним препираться. А вот что точно следовало, так это следить за собой, чтобы сохранить достоинство.

Однако что сделано, то сделано, и ничего изменить уже нельзя. Она повела себя глупо, и дело кончилось тем, что по главной улице Патни, на глазах всего населения городка, лодочников, кучеров, путешественников, уличных мальчишек и собак – короче, всех без исключения – и напрямик в гостиницу ее нес на руках один из самых распутных лордов Великобритании.

Ее бросило в жар, всю, с головы до пят, даже в голове разгорался пожар. Она, конечно, надеялась, что все дело в камине – просто курам на смех, в июне-то, – да еще горничные усердствовали, отмывая да оттирая ее с головы до ног. Чтобы не думать, какую картину она являла собой для зрителей, Олимпия попыталась обратить свои мысли на то, каков будет ее следующий шаг.

Хотя пары бренди, похоже, немного выветрились и голова мало-помалу начала соображать, Олимпии потребовалось время, чтобы решить, что же ей делать дальше.

Что сказать тете Делии? Господи, с чего же начать?

И пока Молли и Джейн растирали ее теплыми полотенцами и помогали надевать халат, она все думала. Версии придумывались и отбрасывались, и когда они усадили ее за маленький туалетный столик и принялись расчесывать волосы.

Девушки все еще терпеливо разбирали пряжи и распутывали узлы, когда появилась портниха, самая настоящая, да не одна, а с двумя помощницами и с целым ворохом одежды – на целый магазин хватило бы.

Они присели в низком реверансе. Самая элегантная из трех женщин представилась как миссис Торн, а две другие, оставшись безымянными, тем временем начали распаковывать свои свертки и раскладывать одежду на кровати.

– Как же мы огорчились, когда услышали, что с вашей светлостью приключилась беда! – затараторила портниха. – Мне в любом случае следовало бы поторопиться и взглянуть, чем я смогла бы помочь, еще до того, как получила записку его светлости. По счастливому стечению обстоятельств у нас было несколько почти готовых вещей да еще две на витрине. Уверю вашу светлость, что меня нисколько не затруднит, если что-то придется подогнать. Вы и глазом не успеете моргнуть, как мы вас оденем, и, смею заверить, наряды вас не разочаруют. Разумеется, это не Лондон, но мы получаем фасоны из Парижа, и я уверена, что мои портнихи окажутся не хуже тех, кто шьет для вас в Лондоне. Кстати, позвольте представить вам мисс Эймс и мисс Оксли.

Олимпия частенько выдерживала жестокие битвы с собственной матушкой относительно своего гардероба, предоставляя портнихам возможность ставить условия. Она отлично представляла себе, сколько приходится бедняжкам тратить времени, чтобы угодить богатым капризным заказчицам. И она сомневалась, что где-то найдется портниха, которая сможет сравниться с лондонскими в том, что касается запаса жизненных сил и терпения в условиях, когда времени в обрез и вдобавок что наверняка – тобой жестоко помыкают!

А что до швейного мастерства – в данный момент ее устроит любое платье, с которого не течет грязь, и ей все равно, прямые на нем стежки или кривые.

Конечно, ничего подобного вслух она не сказала, иначе портнихи могли бы обидеться.

– Спасибо, что пришли так быстро, – поблагодарила Олимпия мастериц.

Рипли шелкнул пальцами и заказал новую одежду – и вот она здесь. Наверняка посыльный из гостиницы сбегал в город и привел из швейной мастерской миссис Торн. А уж та бросила все дела, чтобы угодить его светлости. И ничего странного в этом нет, сказала себе Олимпия. Похвастать тем, что вам покровительствует герцог, большая удача для любого заведения. А чем мастерская Торн хуже?

Вот так герцогов и балуют, хотя они и так избалованы дальше некуда.

– Надеюсь, вам не пришлось закрывать мастерскую, – встревожилась Олимпия.

– Конечно, нет, миледи, – ответила миссис Торн. – Как приятно, ваша светлость, что вы подумали об этом! Однако все предусмотрено, и мастерская будет работать и без нас. Впрочем, я бы закрыла, и сомневаться не стала, если бы понадобилось. А теперь, ваша светлость, прошу прощения, но не позволяйте снять мерки?

Олимпия встала, и ее тут же окружили.

Пока мастерицы измеряли то и подкалывали это, она гадала, чью одежду ей принесли. Да, одну-две вещи они могли снять с витрины, хотя более обычным делом было выставлять на обозрение модный рисунок или отрез ткани, разложенный изящными складками.

Модистка вряд ли станет держать запас готовых платьев: дамские туалеты шьются на заказ.

С другой стороны, когда некий джентльмен с солидным счетом в банке и хорошей репутацией покупателя, который аккуратно платит по счетам – к примеру, герцог, – желает получить что-то побыстрее, портниха может подогнать по фигуре одежду, сшитую для кого-то другого.

Миссис Торн разложила на постели нижнюю сорочку и корсет, и то и другое поразительно красивое, Олимпия никогда не видела ничего подобного. Сорочка из тончайшего льна была вышита – подумать только! – цветным шелком и украшена кружевом по линии выреза и краям рукавов, а корсет – из такой дорогой ткани, что просто скандал! – был черный с телесно-розовым, отделанный по бокам внизу розовым кружевом. Розовые ленточки для лучшей посадки по линии бюста завязывались крошечными розовыми бантиками. Даже на спинке кружевная отделка была розовой!

Олимпия никогда не носила – точнее, даже не видела – цветного нижнего белья. Должно быть, она выглядела совершенно остолбеневшей, потому что миссис Торн поспешила сказать:

– Некоторые наши заказчицы – дамы из Лондона.

– Не сомневаюсь, – согласилась Олимпия.

Интересно, тут же спросила она себя, какого сорта лондонские дамы шьют себе подобное белье. Впрочем, ее это не касается.

Ей просто нужна чистая сухая одежда. А то, что ей принесли нижнее белье, которое скорее подходит для публичного дома, неудивительно, если учесть, кто именно его заказал.

И ее слишком живое воображение тут же явило ей публичный дом в стиле турецкого гарема. Раскинувшиеся на подушках и коврах женщины, как ожившие греческие или римские статуи, или, может, пышные дамы с картин Рубенса, в цветном расшитом нижнем белье. Мужчины вроде Рипли захаживают туда и...

Лучше не давать воли воображению.

Лучше оставить это художникам. Нет сомнений: уж они бы изобразили единственную дочь лорда Гонерби в алом корсете и нижних юбках. Господи, представить только лицо отца, если бы он увидел такую картину...

Нет, она не станет об этом думать: лучше подумать о чем-нибудь приятном. Всегда есть ложка меда в бочке чего угодно, просто иногда ее приходится долго искать, да еще с помощью лупы...

Итак, скорее всего ее больше не будут считать самой занудной девицей сезона! И это как раз и есть та самая ложка меда...

Пока она предавалась мечтам о публичных домах и собственном новом статусе, мастерицы извлекли ее из халата и облачили в сорочку и панталоны, затем затянули ленты, расправили оборки и разгладили ткань так осторожно и любовно, словно эти вещицы были сшиты из шелка и отделаны бриллиантами.

Корсет нуждался в подгонке, и мисс Оксли сразу принялась за дело: проворно распорол его и сшила заново. Миссис Торн тем временем велела мисс Эймс заняться нижними юбками. Олимпия наблюдала за движениями их рук как зачарованная. В Лондоне белошвейки и швеи обычно прятались где-то в глубине мастерской, а если и появлялись перед заказчицей, то лишь для того, чтобы продемонстрировать предмет туалета или помочь модистке. Скорость, с которой летали их иголки, делая крошечные стежки, казалась ей невероятной.

Олимпия терпеть не могла рукоделие и всегда находила чтение более интересным занятием, но сейчас была восхищена мастерством девушек.

Впрочем, ей почти не оставили времени для наблюдений, поскольку нужно же было закончить ее туалет. Девушки помогли натянуть чулки и затянули подвязки, извиняясь, что приходится ее торопить:

– Его светлость сказал, что мы должны поспешить, а он так добр, знаете ли, и мы...

– Да, очень добр! – согласилась Олимпия.

– О да! – воскликнула Молли. – Мне было бы очень стыдно его подвести, честное слово!

– Добрый, значит, – повторила Олимпия. – Впервые слышу о его доброте. Что же он такого сделал? Только не говорите, будто он подбирает и выхаживает раненых птиц. Может, спасает котят, чтобы их не утопили? Я угадала?

– Но право же, миледи...

– Добрый, значит, – не унималась Олимпия. – Рипли. Клянусь, у меня язык немеет, когда надо произносить применительно к нему это определение. То же относится и к двум другим болванам герцогского звания.

Мастерицы улыбнулись, и одна из них тихо рассмеялась. Миссис Торн бросила на нее сердитый взгляд, и девушка ниже склонилась над работой.

– Люди всякое болтают, – сказала миссис Торн, качая головой, но Олимпия успела заметить ее понимающую улыбку.

– Однако, когда заболел мой отец, его светлость послал за доктором, знаете ли, – сказала Молли. – И оплатил счет за лечение.

– Всем известны проделки их светлостей, – добавила Джейн. – Но что бы ни случилось: сломалось, сгорело, упало в реку, – они за все платят!

– Взять хотя бы постельное белье, – подхватила Молли. – Господи, оно было все в крови. Мы думали, что сможем отстирать...

– В крови? – перебила ее Олимпия.

– Дуэль, – объяснила мисс Эймс.

– Тсс, – нахмурилась модистка.

– Его светлость действительно что-то говорил о дуэлях, – заметила Олимпия.

– На Баттерси-филдс, знаете ли, – сказала мисс Эймс. – Иногда на вересковой пустоши в Патни.

– Но чаще всего вверх по реке, – уточнила Джейн. – Чтобы поменьше лишних глаз.

– Чтобы кровь рекой, так это редко, хотя был один раз...

– Герцог Эшмонт.

– Когда я увидела кровь, то подумала, что лорд Стьюкли отстрелил ему ухо начисто!

– А он только нос расквасил и так смеялся, будто это пустяк.

– А его светлость герцог Рипли сказал, что из ран на голове всегда течет как из свины зарезанной.

– Кровищи море – вот что сказал его светлость.

– Придержите-ка языки! – прикрикнула миссис Торн.

– Ничего страшного, – успокоила ее Олимпия. – У меня шестеро братьев.

– Мальчишки всегда остаются мальчишками, это всем известно, – вздохнула миссис Торн.

– Скорее уж дикарями, – поправила Олимпия. – Не знаю, можно ли их перевоспитать. Любой, кто попытается шокировать меня безумными мальчишескими выходками, только зря потратит время. И даже когда они становятся взрослыми, ничего не меняется, согласны? Меня вот удивляет, как они вообще доживают до взрослых лет. А что это была за дуэль, когда лорд Стьюкли чуть не отстрелил ухо герцогу Эшмонту?

– Это было очень давно, – наставительно заметила миссис Торн, упреждая девиц, которые уже открыли было рты. – Кажется, лет десять назад. Тогда они были очень молоды, чуть ли не со школьной скамьи. Я уверена, сейчас уже никто и не вспомнит, из-за чего был сыр-бор. Ни к чему тратить время на досужие разговоры о том, что случилось давным-давно: у нас слишком много работы.

Портниха бросила на девушек предостерегающий взгляд, и разговор тут же иссяк, все занялись делом, а у Олимпии появилось время обдумать услышанное.

О дуэлях старались не распространяться, поскольку они были вне закона, однако совсем замолчать такой случай было почти невозможно. Вот только Олимпия не смогла припомнить, чтобы ей доводилось что-то слышать про герцога Эшмонта и лорда Стьюкли.

Вряд ли стоит этому удивляться: «их бесчестья» то и дело что-нибудь вытворяли, так что выделить какую-то из них, тем более десятилетней давности, не представлялось возможным, как не удавалось спрятать от братьев баночку с медом.

Мысль о меде вызвала недовольное урчание в желудке, и Олимпия поняла, что ужасно голодна, и сказала:

– Было бы неплохо принести что-нибудь перекусить.

– Разумеется, миледи, – с готовностью отозвалась Джейн и поспешно вышла из комнаты.

Тем временем Олимпию втиснули в корсет, внесли последние поправки и зашнуровали. Затем пришел черед нижних юбок, которые не уступали роскошью остальным предметам туалета.

Наконец, пришла очередь платья.

Олимпия уже видела мельком эту массу розового шелка, кружева и лент, но сейчас ей очень хотелось есть. Сгодились бы что угодно – кусок хлеба с сыром или печенье. Скорее бы вернулась горничная!

Но нет: ведь она прибыла в обществе герцога Рипли, которого здесь, очевидно, чтит как святого. Кухарка наверняка готовит суп из черепахи, лобстеров и жаркое из упитанного теленка.

Олимпия вернулась к действительности лишь тогда, как миссис Торн набросила ей на плечи короткую черную накидку. Опустив взгляд ниже, на корсаж платья и юбки, она высвободилась из рук модистки и поспешила к зеркалу. Мастерицы бросились за ней и окружили, любуясь ее отражением в зеркале: как рамка из улыбающихся лиц.

– Прекрасно! – воскликнула миссис Торн.

– Прекрасно! – эхом повторили ее помощницы, а Молли добавила:

– Лучше не бывает!

– Вы правы, – пробормотала Олимпия и, поправив очки на носу, направилась к двери.

За ее спиной раздавались приглушенные возгласы, но она их не замечала, направляясь к своей цели: соседнему номеру. Она не постучала, даже не задумалась: можно ли? – просто дернула за ручку, вошла и, захлопнув дверь за собой, начала:

– Это одна из ваших шуточек? Потому что...

Слова застряли в горле от представшего ее взору зрелища: мускулистая спина, упругие ягодицы и длинные сильные ноги. Мужчина ростом в шесть с лишним футов стоял, совершенно обнаженный, в большом корыте перед камином.

Он не двигался, и Олимпии следовало бы отвернуться, а еще лучше – выйти из его номера, сохраняя хотя бы видимость достоинства, но, очевидно, ее мозг не вернулся к прежнему состоянию, поскольку подумала она лишь о том, насколько взрослый мужчина отличается от мальчика.

Ей доводилось видеть мраморные статуи, изображающие обнаженных мужчин. Да кто их не видел? Видела она и картины. Но этот мужчина был живой, еще какой живой! И хоть стоял он без движения, но дышал, и она заметила легкое движение плеч и мышц спины. Его кожа была отнюдь не из мрамора или бумаги и в отблесках пламени камина казалась золотистой. Янтарный свет высвечивал темную поросль, покрывавшую его руки и ноги. От этого зрелища Олимпию бросило в жар, отчего-то ей стало трудно дышать.

– Мне следовало это предвидеть, – произнес Рипли, поворачиваясь.

Олимпия тоже было повернулась, чтобы выскочить за дверь, вот только ноги отказались ей повиноваться, и она не сумела покинуть его с гордо поднятой головой прежде, чем он потянулся за висевшим на стуле полотенцем и завернулся в него, вернее – прикрылся: широкие плечи, большая часть спины и ног остались на виду. Сделав шаг, он вышел из ванны. Вода стекала с него и капала на ковер.

Она подняла голову, пытаясь сохранить самообладание, которого, собственно, уже не было, и пробормотала:

– Действительно, надо было.

Олимпия напомнила себе, что ей уже двадцать шесть, она давно вышла из детской и... что заставило ее сюда врываться?

Платье.

– Оно французское...

– Что?

Он повернулся, и теперь она могла любоваться видом анфас: сильная шея, плечи, грудь. Волны жара прокатывались по ее телу, и, кажется, она едва не разинула рот.

Боже правый, он сложен как... Аполлон. Она еще не опомнилась после того, как увидела его со спины, но вид спереди: ключицы... грудь...

«Хватит глазеть, дурочка».

Олимпия заставила себя опустить взгляд на платье – действительно самое красивое и самое смелое дневное платье, каких носить ей еще не доводилось.

– Оно во французском стиле. – Она обвела платье дрожавшей самой малость рукой. – Я не стану перечислять, что там под юбками: вы наверняка знаете, – но да будет вам известно, я догадываюсь, почему оно такое.

– Вы про нижнее белье? Выглядит слишком... – Он сделал неопределенный жест рукой, которой не придерживал полотенце. – Тут всего слишком много... ведь вы гораздо миниатюрнее. Все эти юбки так топорщатся, да еще рукава точно винные бочки. А под ними наверняка железный каркас.

– Мужской ум воистину загадка, – сказала Олимпия. – Я не об этом.

– Так и знал, что дело серьезное, – вздохнул Рипли. – Я парень скромный, поэтому ни на минуту не поверил, будто вы ворвались ко мне, подчиняясь неодолимому желанию потерять мне спину.

Жаркая краска залила ее лицо, шею и прочие места, которым неприлично заявлять о себе.

– Вы поразительно догадливы, – сказала Олимпия, взмахнув восхитительной мантильей, которая окутывала ее плечи. – Вот это: блонды, черные блонды – годятся в лучшем случае для замужней дамы, да и то весьма сомнительно, чтобы хоть одна знакомая мне мать семейства надела черное с розовым нижнее белье и розовые ленты. Что это, спрашиваю я вас?

Он опустил тяжелые веки, однако ей и не нужно было видеть его взгляд: она кожей чувствовала, что он медленно рассматривает ее с головы до ног.

По телу побежали огненные мурашки, как в тот раз, когда она увидела его впервые, только сильнее, хотя прошло уже семь лет и она предостаточно навиделась светских повес. Вот только свои приемы они никогда не испытывали на ней.

– Если вы хотите знать, видно ли мне ваше нижнее белье, то я отвечу, что нет, – вкрадчивым голосом проговорил Рипли. – И поскольку я его не вижу, а вы полностью одеты – кстати, одежды на вас сейчас даже больше, чем раньше, – мог бы добавить...

– Не трудитесь! Не знаю, о чем я думала, когда надеялась, что вы поймете. Что ж, воспользуюсь случаем и скажу себе, что теперь стала куда интереснее, но для того, чтобы мыслить разумно, слишком хочу есть. Я ни разу в жизни не носила черные блонды!

Олимпия повернулась было к выходу – ей следовало уйти давным-давно, – когда он заметил:

– Значит, пришло время начать. Вам очень идет.

Она обернулась.

– Вы серьезно? По-моему, слишком смело для рациональной зануды.

– Кого вы хотите одурачить? Сбежали со свадьбы, перелезли через стену, упали за борт. Что бы о вас ни говорили – а я, если честно, даже не знаю, что тут еще сказать, – слово «зануда» к вам явно не относится.

Она махнула рукой:

– Это не я настоящая, это Олимпия, которая немножко сваляла дурака.

Он приподнял черную бровь.

– Немножко?

– Дело в том, что мое легкое опьянение прошло, и...

– Легкое? Это вы себе льстите. Нагрузились вы прилично. Не забывайте, я ведь эксперт в этих делах.

– В любом случае я поступила глупо. И теперь ломаю голову, но не могу придумать никакого разумного – или хотя бы вразумительного – оправдания.

Паника не может быть оправданием, хотя для нее имелись причины: между ухаживанием и принятым предложением и свадьбой прошло слишком мало времени, она поддалась восторженным уговорам матери и тетки. И вот сегодня утром, еще до того, как напилась бренди, что-то в ней сломалось, иначе она вообще не притронулась бы к алкоголю.

Может, бренди и придал ей решимости, однако в обществе Рипли голова продолжала кружиться и после того, как он выветрился, и этот эффект даже усилился.

Олимпия опять посмотрела на платье, усилием воли возвращаясь с небес на землю.

– Нам лучше вернуться.

Последовало молчание, и она ожидала чего-то вроде «я же вам говорил». Разве не спрашивал он, и не раз, действительно ли она намерена бежать, разве не твердил, что вернуться можно в любой момент?

– Черта с два теперь мы повернем назад! – заявил Рипли, и это не стало для нее неожиданностью.

Глава 5

Хотя на Рипли не было ничего, кроме полотенца, смутило его отнюдь не это. Скорее напротив он бы заплатил сотню фунтов, чтобы видеть ее лицо, когда она ворвалась к нему в номер. Ему ужасно хотелось обернуться, причем без полотенца, и он заплатил бы еще двести фунтов, чтобы увидеть ее реакцию.

К счастью, в последнюю минуту он вспомнил, что леди Олимпия невеста Эшмонта. Шутка ли, разгуливать без штанов перед будущей женой лучшего друга!

Но как бы то ни было, вид благоухающей дамы в соблазнительном платье, с распущенными волосами, покрасневшей от слов обвинения, которые выговаривала ему, – грудь ее тем временем вздымалась и опадала, как волна в бурном море, – и он в костюме Адама, чистенький, свеженький, даже блестит, – могли пробудить тщетные надежды у чувствительного паренька пониже пояса, а уж это осложнение в планы Рипли не входило.

Не менее важно, что в обычных обстоятельствах Эшмонт скорее всего посмеялся бы над этой сценой, но обстоятельства были далеки от обычных. У Рипли не было опыта по части двусмысленных сцен с избранницами своих друзей, но он предполагал, что даже Эшмонт мог обидеться, если бы кто-то стоял перед его нареченной в чем мать родила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.